

К^{Научно-информационный журнал}УЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№ 1 АПРЕЛЬ — ИЮНЬ 2013

Издается с 2013 г. Выходит 4 раза в год

*Номер посвящается 25-летию Театра танца «Гжель»
и 20-летию Института танца при ГАСК*

В НОМЕРЕ:

Концептуальное обоснование содержания, основных форм деятельности Издательства МГАТТ «Гжель» и его первенца — журнала «Культурное наследие России» 2

ЗАХАРОВ-АРТ

И. К. Кучмаева. Служение ради жизни на земле — исток творчества, путь подвижничества 5

Б. Б. Акимов. «В людях я ценю преданность и любовь к делу, которому они служат...» 10

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

В. В. Дегтярёва. «У меня хороший контакт со студентами... Они все рядом... У меня нет проблем в этом отношении...» 14

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ РОССИИ

Э. Г. Истомина. Гжельская керамика (об истории промысла) 18

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ЦЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ

В. Н. Расторгуев. Цивилизационное наследие России и роль культурообразующих конфессий в выборе общенациональной образовательной и просветительской стратегии 22

А. Г. Шустров. Культурное наследие и духовный ренессанс России 29

КУЛЬТУРОЛОГИЯ РУССКОГО МИРА

Е. Н. Селезнёва, А. В. Каменец. Проблемы формирования ценностных параметров национально-культурной идентичности в современных проектах «культурологии русского мира» 34

НАСЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ В ЛИЦАХ

А. М. Шарипов. Социальное государство или смерть нации: концептуальный анализ кризиса цивилизации в творчестве И. А. Ильина 42

А. Л. Доброхотов. Жанр как символ. Мысли Вячеслава Иванова о Пушкине 47

СЛАВЯНСКИЙ МИР

И. К. Кучмаева. Единение славян как консолидирующий фактор в борьбе против османского ига (к 135-летию Освобождения Болгарии) 54

Ю. Г. Кучмаева. «Свобода или смерть!» 60

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. И. Мельник. Зарубки на память (фрагменты из книги) 62

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ю. А. Лукин, В. Д. Дерябина. Письмо в редакцию 66

Концептуальное обоснование содержания, основных форм деятельности Издательства МГАТТ «Гжель» и его первенца — журнала «Культурное наследие России»

Сегодня немислимо рассматривать проблемы наследования культуры изолированно, вне того глобального диалога, который позволяет поддерживать взаимное доверие между народами и между цивилизационными мирами. Вне этого диалога глобализационные процессы превращают человека в атомизированный индивид, избавленный («освобождённый») от груза культуры прошлого, а само человеческое общество — в обезличенный конгломерат «граждан мира», лишённых прежней идентичности, оторванных от своих национальных корней. При этом ослабление культурной идентичности рассматривается как одно из условий транснациональной мобильности людей и их «приживаемости» в неких «виртуальных мирах» и пространствах коммерческой субкультуры.

Позиция Издательства МГАТТ «Гжель» и журнала «Культурное наследие России» принципиально иная: мы понимаем глобализацию как встречу людей и диалог цивилизаций, которым есть чем обогатить друг друга в культурном отношении. **Не декультурация, а реинтерпретация прежнего опыта на основе взаимообогащающего диалога с другими — вот наше кредо!** Субъектами глобализации должны быть не только и не столько транснациональные корпорации и финансовые центры, сколько живые люди, несущие в себе высшее из сокровищ — богатство национального культурного опыта, который в процессе глобальной интеграции не распыляется, а собирается, становясь доступным и открытым и для самих народов-наследников, и для обогащения мирового культурного наследия.

Именно эта созидательная тенденция должна стать доминирующей повсеместно, в том числе и в славянском мире. Новым поколениям славян важно передать ту жажду единения, которая характерна для великой русской культуры. **Не усреднённые и обезличенные граждане мира, а носители неповторимого культурного наследия — таким должен быть образ русских в развернувшемся глобальном диалоге.**

Уникальность Издательства МГАТТ «Гжель» и журнала «Культурное наследие России» заключается в том, что этот проект является составной частью масштабной культурной программы, которую в течение многих лет осуществляет Московский государственный

академический театр танца «Гжель». Этот театр, основанный доктором культурологии, профессором, народным артистом России Владимиром Михайловичем Захаровым и получивший мировую известность, создаёт привлекательный и динамичный, яркий и, что особенно важно, достоверный образ России и русских в современном мире.

Главная цель организации Издательства МГАТТ «Гжель» и журнала «Культурное наследие России» заключается не только в том, чтобы сделать всеобщим достоянием секреты отточенного мастерства артистов театра и раскрыть его творческую лабораторию, но и в том, чтобы содействовать делу сбережения, изучения и популяризации неповторимого своеобразия русской национальной культуры во всей её полноте. Приобщение к истокам собственной культуры — единственно надёжная гарантия воспитания хорошего вкуса, высокого эстетического и этического самосознания, формирования духовного стержня людей. Творческие программы театра «Гжель» — школа сотворчества, открывающая для каждого свою дорогу в бесконечном многообразии русской культуры.

Среди задач Издательства МГАТТ «Гжель» и журнала «Культурное наследие России» особое место отведено осмыслению уникального опыта по созданию трёхступенчатого комплекса непрерывного хореографического образования (училище — вуз — театр). Эта оригинальная образовательная стратегия выполняет ответственную культуuroобразующую миссию, позволяя сфокусировать внимание на самом процессе наследования культуры, что может служить образцом, эталоном как для многих других танцевальных коллективов, так и для системы образования в целом, поскольку высшая цель образования — воссоединение наследников и самого цивилизационного наследия.

Театр «Гжель», ставший частью нашего культурного наследия, имеет ярко выраженное личностное начало, что нашло отражение в названии первого постоянного раздела журнала «Культурное наследие России» — **«Захаров-арт»**. **Подрубрики раздела:**

- **«Россия вечная»** (одна из центральных тем в танцевальном искусстве «Гжели»);

- **«Непрерывное хореографическое образование»** (училище — вуз — театр);
- **«Дополнительное хореографическое образование»;**
- **«Театральное хореографическое образование и семейные ценности»;**
- **«Искусство “Гжели” глазами иностранцев»** и т.д.

Рубрикация журнала позволяет охватить широкий круг тематических направлений, связанных с изучением культурного наследия. **Среди основных (постоянных и переменных рубрик):**

- **«Культурное наследие: ценности и приоритеты»;**
- **«Культурология русского мира»;**
- **«Искусствоведение и культурология»;**
- **«Практическая культурология»;**
- **«Наследование культуры в лицах»;**
- **«Культура провинциальной России»;**
- **«Мода в культуре: Россия, Запад, Восток»;**
- **«Культура общения: этикет и стиль»;**
- **«Культура и арттерапия»;**
- **«Клуб ценителей народного искусства»;**
- **«К святыням Отечества»** (информация о познавательных, духовно насыщенных поездках);
- **«Портретная галерея»** (литературные портреты выдающихся деятелей культуры и искусства);
- **«Славянский мир»;**
- **«Фрагменты из художественной литературы».**

Многообразная культурная деятельность МГАТТ «Гжель» будет отражена в дополнительных рубриках, освещающих повседневную жизнь артистов, события в музыкальных и художественных гостиных. Регулярно на страницах журнала планируется размещать обзоры новой литературы о культурном наследии России и стенограммы наиболее интересных дискуссий, информацию о некоторых концертных программах и рецензии, а также специальные обзоры диссертаций по культурологии и искусствоведению, литературные и художественные страницы, где будут публиковаться произведения педагогов, студентов, аспирантов.

Издание журнала — первый шаг в становлении Издательства МГАТТ «Гжель». Формы издательского дела могут быть различны, в их числе:

- отдельные книги и издательские серии по разнообразным направлениям культурного наследия и книги-портреты, посвящённые творческому наследию выдающихся мастеров;
- учебно-методическая литература по проблемам изучения и охраны культурного наследия, по школьным дисциплинам и вузовским курсам;
- специализированные журналы;
- художественные многоцветные календари, а также малоформатные буклеты и календари, содержащие в себе информацию об Издательстве и о комплексе хореографического образования «Гжель»;
- художественные открытки, рекламные объявления и т.д.

Особое внимание в выборе изданий будет уделено одарённым личностям (взрослым и детям) в русской глубинке.

Среди постоянных тем, к которым будет обращаться Издательство МГАТТ «Гжель», следует выделить ряд больших и сложных вопросов:

- как сократить дистанцию между подлинными ценностями культурного наследия и современным человеком;
- каковы механизмы поддержания мира на планете средствами культуры;
- где пролегают пути преодоления барьеров непонимания, недоверия, отчуждения между народами планеты.

В центре внимания — сквозная тема, представленная в большинстве рубрик — **«Культура общения: этикет и стиль»**. Её теоретическое обоснование было дано в исследованиях доктора философских наук, профессора И. К. Кучмаевой, основателя и президента Государственной академии славянской культуры.

Для Издательства МГАТТ «Гжель» представляется важным также:

- популяризация наиболее значимых **культурологических концепций и наследия мыслителей прошлого** с учётом проблем современной духовной жизни;
- поиск, изучение и классификация **непреходящих и «сквозных» сюжетов и тем**, пронизывающих на протяжении веков различные области и жанры художественного наследия России и, в частности, народного творчества её регионов;
- комплексное исследование **социокультурной символики** в различных видах искусства, в том числе в хореографии (в этом отношении богатейший материал для раздумий и творческих обобщений даёт анализ мифов и сказаний разных времён и народов);
- изучение **стиля мышления и нереализованных творческих замыслов** выдающихся хореологов прошлого, способных обогатить творческую палитру театра танца «Гжель».

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

ЗАХАРОВ-АРТ

И. К. Кучмаева, доктор философских наук, профессор

Служение ради жизни на земле — исток творчества, путь подвижничества

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв тонко подметил, что в корне слова «подвиг» «застряло» движение: «по-двиг», то есть желание сдвинуть с места что-то косное, неподвижное. Но для того чтобы хоть что-то действительно неподъёмное сдвинуть с места, нужна, как известно со времён Архимеда, не столько сила — личная либо коллективная, грубая физическая либо интеллектуальная, сколько надёжная точка опоры.

Такой опорой для многих из нас служит уверенность в своей правоте. Но это чувство обманчиво, оно почти всегда подтачивается сомнением. В глубине души мы понимаем, что слепая правота — уже и не правота вовсе, а гордыня. Избавиться от сомнений помогают идеи. Если сколько-нибудь образованные люди доверяют в большей степени не себе, а научным идеям, то подавляющее большинство (и образованных, и малообразованных людей) выбирает себе других «наставников» — идеи политические, то есть идеологии. И часто попадают в ловушку: даже самые значимые из идеологий, которые сами себя называют без лишней скромности великими учениями, — всего лишь внешние скрепы духа. Даже тогда, когда идеологии требуют невосполнимых жертв от миллионов людей, они способны к обману, ибо не верны себе самим.

Они видоизменяются, сговариваются между собой за спиной враждующих адептов и сменяют друг друга куда быстрее, чем происходит смена поколений. И потому целые поколения, верой и правдой служившие идеям, в одночасье остаются у разбитого корыта, ощущая себя преданными: разорвав ради идей связь времён, отказавшись от традиций и наследия предков, люди теряют и эту тонкую идейную нить, которая ещё вчера казалась сверхпрочной и якобы надёжно связывала их с будущим. Трудно пережить предательство со стороны великих учений, особенно тогда, когда они теряют всякую связь с реальностью, впадают в неистовство, объединяя людей на час, чтобы поссорить на век.

Именно в эти трагические моменты истории так востребованы люди, для которых точка опоры — не гордыня и не заимствованные идеи, а вечно живые духовные основы народной культуры. Но здесь обнаруживается удивительная закономерность. Традиция становится подлинной опорой для немногих — для тех, кто обладает тремя качествами. Во-первых, огромной природной творческой энергией, способной разбудить в вековой традиции её скрытый потенциал. Во-вторых, мужеством, которое даёт силу противостоять и господствующему идолопоклонству, в том числе идеологическому, и общему безволию и безверию, характерному для эпохи гибели великих учений. А в-третьих, верой. Да, самой надёжной опорой духа — духа человека и поколений, соединённых в народ, может быть вера.

Лишь искренняя и чистая вера, открытая тем, кто открыт для Бога, придаёт невиданную мощь слабому человеку, превращая дары свыше — врождённые и благоприобретённые способности — в источник неиссякаемого созидательного творчества, а само творчество в наследие. Отданные людям, реализованные дары творцов — это и есть наше общее наследие: дары подобны рекам, впадающим в океан мирового и национального наследия. Благодаря этому удивительному превращению невозможное становится возможным, а сама жизнь и дело жизни приобретают характер служения, подвижничества. Не случайно подвиг, подвижничество, подвижник — слова одного родового гнезда, чисто русские.

Подвижничество многогранно и многолико — так же, как многогранны дары, таланты. Былины Киевского цикла сохранили память о богатырях — защитниках Отечества земного, которое они не отделяли от Отечества Небесного, ибо знали о том служении, что было уготовано Руси. Вся наша многовековая история — история подвигов, славных деяний предков. В ряду таких деяний — и Куликовская битва под предводительством Дмитрия Донского, и борьба за независимость, которая сплотила общество в 1612 г., и Отечественная война 1812 г., и Великая Победа в незабываемых «сороковых-роковых», когда

защитники Отечества знали: «Бой идёт не ради славы — ради жизни на земле». В этих словах Александра Твардовского скрыта чрезвычайно важная мысль: деяния во славу Отечества земного и Небесного — это не что иное, как сердцевина нашего национального наследия, которая и делает его мировым.

Для того чтобы не предать такое наследие, не разрушить его на новом витке истории, в момент смены поколений, нужны новые деяния и новые деятели — защитники, мыслители, деятели культуры, которым дано и чувствовать, и знать, сколь значимо духовное преемство в жизни народа. А среди них особо востребованы те, кто обладает даром, позволяющим восстановить связь времён, сделать это чувство и знание общедоступными. Доступными и для потомков поколения героев, и для всех наших соседей по планете, кто может без предвзятости понять и принять подвиг самой России — её служение ради жизни на земле...

Что отличало во все времена тех людей, которых мы называем подвижниками Земли Русской? Прежде всего, ясно осознаваемая, действенная любовь к Отечеству, бескорыстие, чувство личного и национального достоинства, честь и честность, справедливость, верность великим христианским заповедям. А кого можно назвать подвижниками в искусстве, что их отличает? Да всё те же высокие чувства и желание своё творчество, этот светлый дар небес, принести на алтарь Отечества. А ещё стремление приобщить ближних и дальних к неизменным нравственным идеалам, сделать лучше, благороднее, чище. У таких подвижников в искусстве нелёгкие судьбы, потому что они бескомпромиссны, прямодушны, не угождают сильным мира сего.

* * *

Есть ли такие подвижники в искусстве в наше время? Есть, к счастью, хотя их немного. Об одном таком человеке хочется сказать особо. Это наш современник, блистательный хореограф — маэстро Владимир Захаров. В нём гармонично сочетается многое: яркая одарённость; прозорливость и эрудиция учёного — доктора культурологии, академика многих академий,

профессора; талант педагога, взрастившего целую плеяду мастеров хореографии. А ещё его отличает государственный подход к возникающим проблемам — качество, редкое по нашим временам, но необходимое для руководителя.

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружён» — эти слова А. С. Пушкина можно отнести к деятельности В. М. Захарова с той лишь поправкой, что Аполлон требует от него ежедневной «священной жертвы», и заботы его постоянны, поглощают всё время и всё существо. Он всегда жертвует собой, своим здоровьем, сжигает себя, хотя этот костёр многим не виден. Подвиг маэстро танца в том, что он осуществил блестящую идею непрерывного хореографического образования, за что был удостоен Государственной Премии Правительства РФ.

Суть этой идеи в том, что хореографическое образование юных дарований, их духовно-нравственное, эстетическое развитие происходит непрерывно — от нежного

младшего школьного возраста до юности, творческой зрелости. Хореографическое училище, вуз (Институт танца), театр танца «Гжель» — это взаимосвязанные звенья одной цепочки. Неустанным трудом педагогов, воспитанников и, конечно, самого В. М. Захарова создаётся то, что мы называем российским хореографическим искусством.

Народная хореография, классический балет, модерн и мюзик-холл — всё то, что кажется, на первый взгляд, несовместимым, у маэстро Захарова органично слито. Здесь им совершены настоящие открытия, значение которых в искусстве невозможно переоценить. Раскрыть и донести до современников огромные богатства, одухотворённость и целомудрие народного хореографического искусства, в котором отражена душа народа — поэта, творца, создателя удивительного мира художественных промыслов. Переложить всё это на язык хореографии, её символическую «лексику» — это ли не подвиг? Возродить классику балета, очистив от

МГАТТ «Гжель». Хореографическая композиция «Мотивы Жостова»

В. М. Захаров, Народный артист России, доктор культурологии, профессор

тех напластований, которые искажают светлый образ русского балета, идти в ногу со временем, не угождая поп-арту, а развивая и обогащая великие традиции отечественного искусства, художественной культуры, — это дело для подвижника.

Огромное количество спектаклей, хореографических новелл, миниатюр, концертных программ создал В. М. Захаров, который по праву носит высокое звание народного артиста России. Его воспитанники стали лауреатами многих престижных международных фестивалей, конкурсов, где они завоёвывали первые места и гран-при. Эстафета искусства, мастерства непрерывна: учащиеся хореографического училища идут вослед студентам Института танца, артистами «Гжели». Мир рукоплещет маэстро Захарову и его ученикам. Легче назвать те страны и континенты, где «Гжели» не было, чем перечислять ту «географию», где наши артисты оставили яркий след.

«Какие у нас красивые, творческие дети», — эти слова с великой гордостью за свои деяния и

МГАТТ «Гжель». Хореографическая композиция «Гуси-лебеди»

работу педагогов нередко повторяет сам Захаров. Он никогда не похвалит авансом, только за реальные результаты.

Недавно маэстро поставил балет «Щелкунчик» — одну из вершин классической русской хореографии, и эти слова были сказаны им после спектакля, когда его воспитанники стояли на сцене. Действительно, «Гжель» — это сад, где расцветают юные души, юные таланты.

Увидеть будущие дарования, взрастить, взлелеять их — трудный подвиг. А впереди — другая жемчужина — «Лебединое озеро».

Спектакли блистательны, артисты виртуозны. «Захаровцы» — в постоянном, неустанном творческом поиске, в пути, которому нет конца, как вечно манящему солнечному горизонту.

19 сентября 2013 г. «Гжели» исполняется 25 лет. И в этом же году — 20 лет Институту танца. Это возраст расцвета, время свершений. И все эти годы — четверть века — каждый день и час, В. М. Захаров не оставляет дело своей жизни. Он

творец, богатырь, исполин Искусства, идущий своей непроторённой дорогой борьбы и побед, преодоления трудностей во имя великой цели.

* * *

Так что же такое — «Захаров-арт»? Если коротко: искусство Захарова. А по сути — это настоящий культурный феномен, целый комплекс взаимосвязанных явлений современной хореографии, где слиты воедино великие, вечно живые традиции русской классики, богатства народной хореографии, аутентичного фольклора и всего того, что определяет образ искусства современного: новаторство без традиций, без опоры на достижения прошлого невозможно. «Захаров-арт» — это и люди, единомышленники, соратники, та команда, которая всецело доверяет своему лидеру и готова идти рядом с ним к новым творческим горизонтам во имя торжества светлых идеалов искусства.

Б. Б. Акимов:
**«В людях я ценю
преданность
и любовь к делу,
которому они
служат...»**

С Борисом Борисовичем Акимовым, народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР, Председателем художественного совета балетной труппы Государственного академического Большого театра России беседовала главный редактор журнала, доктор философских наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России Изольда Константиновна Кучмаева.

Разговор зашёл о творчестве народного артиста России Владимира Захарова и работе созданного им комплекса непрерывного хореографического образования, значимости подобного явления для сохранения и популяризации культурного наследия и традиций России. Мы задали Борису Акимову и ряд других вопросов, касающихся его творческих интересов, стиля наследования культуры.

— Какое место феномен «Захаров-арт» занимает в современном искусстве и в культурном наследии России?

— Я думаю, что В. М. Захаров на сегодняшний день, пожалуй, один из самых ярких представителей и носителей русской культуры. В первую очередь танцевальной. Специалистов настолько одержимых именно фольклорным русским танцевальным искусством немного — и, конечно, В. М. Захаров занимает среди них одно из первых мест, а возможно и первое по своей активности. Он основатель замечательного коллектива, коллектива очень молодого и поэтому, во всех его программах чувствуется необыкновенная энергетика, эмоциональность, которую излучают артисты. Концерты

«Гжели» всегда пользуются успехом. И самое главное — Владимир Михайлович искренне предан своему делу, безумно любит танец, фанатично живёт в этой профессии, потому что это его жизнь. Пусть эта фраза звучит банально, но у Володи это действительно стопроцентно. Он отдаёт всего себя рабочему процессу и поэтому есть результат.

— Частью творческой деятельности В. М. Захарова кроме народного танца является танец классический. Что Вы можете сказать о его работе в данном направлении?

— Я думаю, что В. М. Захарову было, конечно, уже тесно в рамках народного танца, поэтому его фантазия как хореографа, как художника требовала ещё какого-то дальнейшего выплеска и поэтому родилась такая идея. В своё время подобная идея была у Игоря Александровича Моисеева. Видимо у него это была какая-то память сердца, потому что он начинал танцевать в Большом театре. И когда он основал ансамбль и уже много лет работал, будучи известным на весь мир, то он всё-таки реализовал свою мечту — создал классический коллектив. Но не школу, конечно. А В. М. Захаров создал и школу, настоящую школу, где учатся детки... У него сейчас полноценное училище. Он шёл к этому по ступеням, шаг за шагом подбирался

к реализации на сцене своих мыслей, идей в классическом танце. Все последние концерты показывают, что Володя прекрасно реализовывается в данной области. Его школа постоянно развивается и прогрессирует. И конечно, он молодец, что привлекает хороших профессионалов, в его школе преподают педагоги и бывшие замечательные артисты из Большого театра. Это немаловажно именно в классическом танце. Что касается репертуара — то он базируется на старом классическом репертуаре. Такой репертуар хорош как для обучения ребят, так и для постижения всех секретов классического танца на основе апробированных старых образцов, выдающихся образцов. В. М. Захаров берёт очень интересные вещи. И тем самым он сохраняет культурное наследие советского периода в области хореографии, о котором мы, к сожалению, забываем. А это был очень богатый период — были ценные отдельные номера и целые балеты. Это такая же наша ценность, как архитектура, зодчество и прочее. Это потрясает.

— **Каков, по Вашему мнению, наиболее результативный путь развития профессиональных и душевных контактов между тремя ступенями комплекса непрерывного хореографического образования (училище — вуз — театр)?**

— Это то, чем занимается Владимир Михайлович, он выстраивает эту связь по ступеням развития. Она, конечно, очень важна, и должна быть очень тесной. Это такая структура, которая, если она хорошо действует, то даёт и хороший результат. И это правильная структура...

— **Что вы можете сказать об особых механизмах взаимодействия партнёров в танцах «Гжели», какова их роль в рождении театра, как живого дыхания, покоряющего зрителя?**

— Мне кажется, сегодня коллектив «Гжель» — это комплекс всего. Безусловно — исполнительский, эмоциональный комплекс в сочетании с художественным великолепием дизайна и костюма. Обращают на себя особое внимание русские «полотна» Владимира Михайловича, связанные с Павлово-Посадскими платками, другими народными промыслами. Общее эмоциональное наполнение программы даёт какой-то поразительный

необыкновенный результат. Когда я впервые попал на концерт «Гжели», я и не мог себе представить, что есть такой коллектив. Я был тогда удивлён и восхищён, тот вечер запомнился навсегда.

— **Осознаёте ли вы место В. М. Захарова в культурном просвещении народа?**

— Владимир Михайлович доказал, что он этим занимается. Он всё время находится в развитии и является одним из немногих, кто действительно занимается настоящей просветительской деятельностью. У него это всё не фальшиво, потому что идёт от сердца, из самых его глубин. Я это чувствую, наблюдая за Володей. Мне кажется, всегда видно, как человек живёт. И если он живёт внутри чистым творчеством — это выплёскивается на сцене. У Владимира Михайловича есть эта искренность. Он действительно в числе тех единиц, которые заслуживают уважения и восхищения их деятельностью.

— **Как Вы относитесь к задаче, поставленной Правительством России на ближайшие годы — создать единый интернет-портал «для популяризации культурного наследия и традиций России»?**

— Я думаю, важно через интернет возбудить интерес к России, к её культуре. Поставить такую задачу, и не пропускать весь тот мусор, который сейчас есть в интернете, пытаться его забить. Это нелегко будет сделать, но надо постараться... Конечно, сегодня мы подзабыли всё своё, очень мало пропаганды. Сегодня наши фольклорные коллективы и оркестры русских народных инструментов, те же фольклорные танцевальные коллективы переживают колоссальные проблемы. Мне кажется, в первую очередь мы должны обратить на это внимание, поддержать их, потому что сейчас идёт, с моей точки зрения, переломный, критический период в их жизни. Ещё совсем немного, и будет невозможно спасти это культурное явление.

— **Что Вы более всего цените в людях?**

— В людях я ценю преданность и любовь к делу, которому они служат. И конечно, я уважаю людей, которые не то что любят, но одержимы своей идеей, работой. Это впечатляет.

— Скажите, пожалуйста, чем Вы любите заниматься на досуге?

— Музыкой, поэзией. Понемногу и тем, и тем занимаюсь. В плане творчества у нас есть что-то общее с Владимиром Михайловичем. Тоже люблю пофантазировать, что-то потворить...

— Ваше любимое место в России, богатое природным и культурным достоинством?

— Я должен Вам сказать, что некоторое время тому назад у меня появилась особенная любовь к поэзии Сергея Есенина. На его стихи мною была создана большая музыкально-поэтическая программа «Я помню, любимая, помню...» в двух отделениях. Эта любовь привела меня в село Константиново, где я просто был поражён красотой тех мест — берегами Оки, откуда видна петляющая река, храм... Такие нетронутые ещё места, и березы, березы, березы... Прекрасные березы и нетронутая деревушка, школа, где учился Есенин, его домик... Какое-то дивное волнение захватило меня там — необыкновенное место.

— Как Вы относитесь к созданию такого жанра в хореографическом искусстве, как «Провинциальные путешествия по

России»? Мне приходилось видеть очень интересные фильмы такой тематики. У нас в Государственной академии славянской культуры проходит международный молодёжный фестиваль видеофильмов «Славянская юность: мечты и надежды». Фестиваль был начат моим большим другом народной артисткой России Ириной Ивановной Поплавской, ныне покойной. Вы, наверное, знаете её фильмы «Очарованный странник», «Матвеева радость»... На фестивале был представлен один фильм, который сразу мне запомнился как именно провинциальное путешествие по России: стоят беседки над рекой, играет необыкновенный вальс, ходят прекрасные дамы в длинных платьях. Это очень красиво. Может ли быть такое создано на сцене или нет?

— Вы знаете: и да, и нет. Я бы так ответил. Очень трудно всё это воспроизвести в мире, в котором мы пребываем, и, в то же время, я думаю, что возможно, потому что всё-таки есть ещё много людей, которые воспринимают такую культуру своим сердцем, которые ещё тянутся к этому, которым это нужно в данной ситуации. Я, например, люблю всё это, меня это трогает, и

эмоционально впечатляет. Всё то, о чём вы говорите.

— **Ваши любимые места в Москве или ином городе.**

— Вы знаете, где бы я ни был, а я с Большим театром был во многих городах и сёлах, меня более всего привлекают исторические места, например, сохранившиеся ещё старые части городов. Они влекут, они меня поражают своей архитектурой, своей особой атмосферой... Я часто думаю: «Как было бы хорошо, если бы в таком духе сохранился каждый город». В Москве есть замечательные переулки, которые сохранились почти целиком. Хотелось бы, чтобы не было этих высотных зданий, которые возникают среди маленьких домиков и старинных особнячков. Возникают и портят всю картину, нарушают строй архитектуры в целом, нарушают и моё представление об облике той Москвы, которая была. Но всё равно, ещё есть такие места — например, многие арбатские переулки. По ним просто идёшь, наслаждаешься, и сердце отдыхает, потому что это такая красота, потому что каждый дом имеет своеобразную архитектуру, созданную некогда фантазией художника, человека, который это делал, оставляя на века. Всё это даёт импульс и для моего творчества.

— **Скажите, пожалуйста, сложился ли у Вас личный стиль наследования культуры? Каковы его характерные черты? Может быть, Вы вспомните своих родителей или друзей, которые оказали на Вас влияние, потому что Вы человек, безусловно обладающий своим стилем.**

— Вы знаете, я думаю, это во многом перешло ко мне от родителей, от воспитания. У меня папа танцовщик фольклорных ансамблей, он начинал в ансамбле Моисеева, потом его деятельность тоже была связана с русской фольклорной культурой... Конечно, всё происходило на моих

глазах, потому что я маленьким мальчиком приходил к отцу на репетиции. Я был очень способным. Меня танцовщики всегда учили танцевать прямо сходу, и я всё схватывал на лету. Уже с того времени всё начало складываться... Потом, конечно, занятия по классу баяна. Моя первая любовь — это баян, русский инструмент. Я помню, как у меня появился баян, тульский баян, один из лучших... Это мне безумно нравилось. Поэтому я, создавая свой музыкально-поэтический цикл на стихи Есенина, отдал программу в Академический оркестр русских народных инструментов под руководством Николая Николаевича Некрасова, к сожалению, уже ушедшего из жизни. Я с ним очень сошёлся. Когда я услышал оркестр Некрасова, у меня прямо дух захватило, потому что я ощутил особую нежность и мягкость звучания всех этих инструментов, необыкновенный эмоциональный настрой. Меня это привлекло. И, наверное, не случайно. 25 мая мы делаем программу «Я помню, любимая, помню...» с оркестром Некрасова, с певцами Большого театра, полностью в двух отделениях на родине Есенина в Константиново, среди берёз. Откуда у меня такая любовь к рязанской земле? Дело в том, что у меня мама из рязанских. К сожалению, я не был в том месте, где она родилась, но очень хочу побывать. Что-то меня по жизни всё время приводит к родным истокам. Я сам ставил русские кадрили, исполнял их. Володя Захаров мне всё время говорит: «Боря, давай свои кадрили ко мне в коллектив», потому что ему они очень нравятся. Я классический танцовщик, но мне это всё так близко — и фольклор, и истинная российская культура. Она, наверное, заложена в моей природе. Несмотря на то, что я работаю в несколько другом танцевальном жанре в Большом театре, академическом театре, всё равно — моя вторая творческая линия — народная.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

В. В. Дегтярёва:
**«У меня хороший контакт
со студентами...
Они все рядом...
У меня нет проблем
в этом отношении...»**

В связи с тем, что первый выпуск журнала «Культурное наследие России» посвящён 20-летию факультета хореографии (ныне Института танца) при Государственной академии славянской культуры, рубрику «Портретная галерея» в этом выпуске редакция решила посвятить человеку, стоявшему у самых истоков создания факультета, его декану, профессору **Валентине Васильевне Дегтярёвой**.

Многие годы В. В. Дегтярёва занимается составлением и разработкой образовательных программ. Она являлась одним из авторов и разработчиков государственной целевой программы Эстетического всеобуча детей и подростков, работая в научно-методическом центре Министерства культуры. Значительную часть своей жизни и трудовой деятельности Валентина Васильевна посвятила и посвящает Театру танца «Гжель», факультету хореографии (Институту танца), хореографическому училищу, работая над программой комплекса непрерывного хореографического образования. О том, как начиналось становление факультета хореографии, она рассказала: «Мы начинали создание факультета с нуля, поэтому нужно было разрабатывать всё — и программу, и учебные планы, и задания, и методические пособия... Мы издали тогда первый выпуск учебных программ по всем дисциплинам, причём не только хореографического профиля, но и по всем общеобразовательным дисциплинам. Второй круг программ назывался УМК — Учебно-методический комплекс (сейчас УМКД). Этим тоже я занималась лично и отвечала за выпуски всех программ, потому что любое развитие, управление учебным процессом трудно себе представить без должной организационной работы. Большую часть жизни я занималась организаторской и управленческой работой, в том числе, последние годы как декан — это

же не только педагог, это организатор учебного процесса».

На вопрос о том, как новые программы воспринимались учащимися и какие трудности возникали в процессе введения программ в учебный процесс, Валентина Васильевна ответила: «Можно сказать, что программы в большей и в лучшей степени воспринимались именно студентами, чем рядом преподавателей. Некоторые из педагогов отнеслись даже негативно к введению новых программ, поскольку у них уже имелись свои. Второе поколение программ было составлено нами по разосланным Министерством образования образцам — программы же преподавателей иногда не укладывались в определённое число часов, предусмотренное стандартом и учебным планом. Поэтому, вот в этом отношении были трудности».

Мы спросили у Валентины Васильевны, что бы она более всего хотела передать своим ученикам.

«Мне, как человеку, имеющему определённый опыт организаторской работы, — сообщила она, — хотелось бы и учеников своих этому научить — умению организовать свой труд, свой учебный труд, чтобы могли помочь другу, соседу и мне тоже. Что касается организаторской

работы, все студенты умеют мне помогать. Я им даю задания. В основном во время сессии, когда идут государственные экзамены, защиты дипломов — они все рядом. Они не только не отказываются, они готовы и сами предлагают свои услуги... Как мне кажется, у меня хороший контакт со студентами, особенно со старостами. Если меня вдруг нет — старосты за всё отвечают. Я их сначала, конечно, собираю, всё рассказываю, что и как, а они делают. У меня нет проблем в этом отношении. Мне бы, конечно, хотелось научить ребят (мало ли как сложится их трудовая деятельность) не только преподавать и организовывать свой труд, но также организовывать труд коллектива. Может быть, кто-то из них создаст коллектив в будущем... На эту тему мы ведём с ними беседы. Хотелось бы научить стремлению к познанию, расширению своего интеллектуального кругозора, честности, порядочности, ответственности за свой учебный труд, не забывать о культуре поведения. Я не могу пожаловаться и на своих педагогов в этом плане».

На протяжении многих лет в жизни уникального комплекса непрерывного хореографического образования (Хореографическое училище — Институт танца при ГАСК — Театр танца «Гжель») день за днём происходят всё новые и новые памятные, радостные события — концерты, вечера, встречи, презентации, учебные и отчётные мероприятия, выпускные торжества и т.д. Из них более всего Валентине Васильевне запомнились отчётные творческие концерты — института отдельно; института и училища; и, конечно, общие — института, училища и театра. В. В. Дегтярёва, в частности, вспоминает такой концерт в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко: «...в тот день мы заявили о себе уже как о сформировавшемся комплексе непрерывного хореографического образования на всю Москву...»

Значимым событием в своей жизни, и, конечно, в жизни Государственной академии славянской культуры Валентина Васильевна считает само открытие факультета хореографии при ГАСК: «Может быть, отдельные личности не считали это событием, но на самом деле (особенно

когда уже была разработана программа непрерывного хореографического образования), это тот случай, когда за словом может последовать пример — «Ах, вы нам не верите? Так взгляните на этот комплекс в действии!» И отклики есть. Мы на базе комплекса вместе с Домом народного творчества проводили несколько учебных семинаров для преподавателей хореографических дисциплин и руководителей хореографических коллективов. К нам приезжали гости из Латвии, из Литвы, других стран. Это продолжается и сейчас. Как правило, мы проводим такие семинары осенью... Тем, кто проходит у нас обучение вручается свидетельство о повышении квалификации. Эти мероприятия открывает и ведёт Владимир Михайлович Захаров. Его знают, всегда встречают аплодисментами. Мы обязательно всё показываем гостям — училище, институт, театр, репетиции — всё что угодно. Нам часто задают вопрос: «А почему вы показываете? Некоторые не показывают». «А я не боюсь, — говорит Владимир Михайлович, — берите, берите всё, что вы хотите, фотографируйте». Гости приезжают с камерами, с фотоаппаратами...

...Вот это и есть радость — когда виден результат».

«Расскажите, пожалуйста, о Ваших любимых святых, деятелях культуры — писателях, хореографах, художниках, учёных и т.д.», — попросили мы у Валентины Васильевны.

«У меня много любимых святых, — ответила она, — особенно близок мне святой Серафим Саровский, которому посвящена домовая церковь Академии. Люблю его ещё и потому, что в городе Саров у меня родственники живут, но, так случилось — я туда езжу не только к родственникам, но обязательно поклониться святым, помолиться и попросить...

...Любимый писатель — А. П. Чехов. Ценю его за остроту ума, глубину мысли... Мне близки также наши отечественные писатели-классики. Люблю Шукшина, его короткие рассказы. Любимая моя литература — это XIX век...

Любимые хореографы — это первые хореографы, которые занимались становлением балета в России — Дидло, Петипа, ну и современные наши хореографы (иных уже нет, а многие

ещё живы) — Ю. Н. Григорович в Большом театре, И. А. Моисеев, конечно же, В. М. Захаров. Владимира Михайловича знают, и он знает людей и любит их, и руководителей, и народное творчество, поэтому, как мы говорим: «Дай Бог ему здоровья».

На наш вопрос о любимых местах в России и за рубежом, В. В. Дегтярёва ответила так:

«В России мне особенно дороги места, где сохраняется культурная традиция, культура, история. Им едут поклониться, хоть раз в своей жизни увидеть: Петербург, Москва, Московская область. Очень люблю Псков, Псковщину как врата в Россию..., Смоленск. «И прежде чем стали московские главы, Смоленск возвели на Днепре» — так поют в песне о своём городе жители Смоленска.

За рубежом люблю Италию. Я была во Флоренции, в Венеции, в Риме, в Неаполе. Мне, когда я ещё училась в школе в 9-м классе, приснился Неаполь, и вот, случилось так, что я оказалась в Неаполе уже совсем взрослой девушкой. Но Неаполь, который мне снился во сне, наяву оказался Флоренцией. То есть мне снилась Флоренция. Я тогда испытала очень сильное потрясение».

По словам Валентины Васильевны, к её научным и творческим интересам долгое время относились филология и литературоведение. Она занималась творчеством М. Ю. Лермонтова и хотела писать диссертацию по теме: «Лермонтов на Кавказе», но затем обстоятельства жизни её резко поменялись, и центром внимания стала педагогическая и научно-методическая работа.

О своих достижениях В. В. Дегтярёва умалчивает, хотя их, как мы уже упоминали, множество: реализована крупная образовательная программа по непрерывному хореографическому образованию, соавтором и разработчиком которой является В. В. Дегтярёва, под её руководством ведётся учебный процесс, выпущен уже не один курс молодых специалистов, воспитанных Валентиной Васильевной и т.д. Сама же она говорит: «Это всё заслуги Владимира Михайловича».

В завершении необходимо упомянуть, что В. В. Дегтярёва — заслуженный работник

культуры РФ, Лауреат Премии Правительства РФ, награждена медалью «В память 850-летия Москвы», медалью «За доблестный труд», медалью им. Крупской (полученной в советское время за педагогический труд), множеством почётных знаков, грамот, а также других российских и зарубежных наград.

Высокий и ответственный пост служения Валентины Васильевны выявил яркие черты её деятельности, справедливой и честной. Тип деятельности руководителя, лишённого тщеславия, наполненного искренним отношением к студентам и педагогам. Каждый шаг своих учебно-педагогических усилий Валентина Васильевна всегда подкрепляет опытом своей повседневной жизни, своим личным примером. Способность

объять одним взглядом сложность в решении трудных проблем организации учебной работы и найти путь к их решению — отличительное качество стиля руководства В. В. Дегтярёвой этой сферой жизни такого замечательного явления, как Институт танца ГАСК.

Её неутомимая деятельность, доброжелательность, приветливость, благородство помогли в течение двадцати лет держать высоко и в чистоте идеалы, которые были заложены в ценностный фонд Института танца в самом начале его развития. Свой вклад в замечательные результаты профессионального возрастания студентов Института танца, в сплочение педагогического коллектива безусловно вносила и продолжает вносить Валентина Васильевна Дегтярёва.

Беседовала Юлия Кучмаева

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ РОССИИ

*Э. Г. Истомина, доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института российской истории*

Гжельская керамика (об истории промысла)

Культурное явление, определяемое понятием «Гжель» — это мощный пласт традиционного народного творчества, воплощённого в создании на территории старинного гончарного района Подмосковья художественной керамики различных видов: фарфор и фаянс — с кобальтовой росписью, майолика — с полихромной живописью. Гжельская керамика имеет собственное лицо как вид искусства, выстроенного на бытовании народных традиций и выраженного в определённом ассортименте, формах, росписи и технологии.

Гжель — неотъемлемая часть культурного наследия России, народное достояние — продолжает поражать богатством своего ассортимента (чайная и столовая посуда, квасники и кумганы, скульптурная пластика, часы, светильники, камины и печи), основанного на образных орнаментально-декоративных решениях и обладающего особой пластической выразительностью.

Особенности национальной культуры, воплощённые в гжельских изделиях, являются носителями духовно-нравственных традиций, представляющих непреходящую ценность для современной культуры.

Гжель столь же знаменита во всём мире, как Хохлома и Палех, как Мстёра и Федоскино, как павловские платки и вологодское кружево, но занимает среди промыслов особое место. Такой большой художник, как народный артист России В. М. Захаров — создатель театра танца «Гжель», проведя десятки экспедиций по регионам России, прикоснувшись чутким сердцем к такому явлению, как Гжель, приступил к формированию мощного пласта традиционного народного творчества, где объединилась необыкновенная музыка,

необъятные просторы, многоцветие народных костюмов, звон бубенцов. Постепенно складывалось и вырастало такое явление, которое со временем люди начали называть «Захаров-арт», имея в виду многообразие и неповторимость народных промыслов, объединённых множеством драгоценных элементов...

* * *

Гжель — это историческое название района керамического промысла, истоки которого уходят вглубь веков. В настоящее время район объединяет около 30 сёл и деревень, расположенных в 60-ти километрах к юго-востоку от Москвы. В 1990-е гг. здесь появилось ЗАО «Объединение “Гжель”», где производят уникальный фарфор с ручной синей росписью и майолику с полихромным декором. Высокохудожественные изделия Гжели имеют свой фирменный знак — треугольник с изображением уточки на бегущей волне. На предприятиях, выросших на базе старинного промысла, трудятся потомственные керамисты. Многие из них — представители семейных династий гончаров.

Гжель — главный керамический район Подмосковья. В истории мирового искусства это единственный пример, когда четыре вида художественной керамики — майолика, полуфаянс, фаянс и фарфор всего за пятьдесят с небольшим лет были освоены и их производство налажено в широком масштабе. В майолике и полуфаянсе гжельские мастера достигли подлинных художественных высот, их изделия заняли почётное место в народном искусстве России.

Гжельская волость, названная так по селению Гжель, располагалась вдоль Касимовского тракта в местности, славящейся густыми лесами, но имеющей глинистые, не пригодные для сельского хозяйства почвы. Крестьяне в поисках других источников дохода занимались ручным ткачеством, резьбой по дереву, но главное — гончарством. Во второй половине XVIII в. Гжель приобрела славу места, где производили не просто бытовую, а художественную керамику.

В начале XIX в. на территории Гжельского керамического промысла в деревне Ново-Харитонове возник первый крупный фарфоровый завод. Его

основатели — местный кузнец и лесопромышленник Яков Васильевич с сыновьями Терентием и Анисимом, позднее принявшие фамилию Кузнецовых. Представители этого клана постепенно стали одними из самых крупных владельцев фарфоро-фаянсовых предприятий не только на территории Гжели, но и далеко за её пределами. Матвей Сидорович Кузнецов, владелец заводов в Дулёве Владимирской губернии, Риге и других местах в 1889 г. создал фирму, ставшую вскоре монополистом русского фарфора. Вся Москва знала торговый дом Кузнецова на Мясницкой, 8. В один из его каталогов было включено около двух тысяч видов фарфоро-фаянсовых изделий — от миниатюрных бонбоньерок и спичечниц до оригинальных каминных панно. Одних только чайных сервизов было названо 112 разновидностей.

В 1850–1860-е гг. в Гжели работало около 120 фарфоро-фаянсовых заведений, имевших до 140 горнов и печей для обжига. За год гжельцы перерабатывали около 320 тыс. пудов глины. Из Глуховского уезда Черниговской губернии привозили особый вид глины — каолин, необходимую добавку для подготовки полноценной сырьевой массы. Из Олонецкой и ряда других губерний везли полевой шпат, свинец — всё, что требовалось для производства. Однако всё явственней обозначалась кризисная ситуация. Росли цены на каолин, удорожалась его доставка. Всеми местными месторождениями глины и известняка постепенно завладели два гжельских предпринимателя. Запасы топлива катастрофически уменьшались — были вырублены все ближайшие к

производству леса. Продукцию гжельцев со всех рынков стала вытеснять посуда их земляков, прежде всего Кузнецовых — владельцев крупных капиталистических предприятий.

После войны с Японией 1904–1905 гг. на уцелевших производствах значительное место стал занимать выпуск технического фарфора для фармацевтической и электротехнической промышленности (аптекарская посуда, изоляционные ролики, розетки, штепсели). Забывались и терялись многие секреты и особенности прежнего производства керамических изделий, в том числе росписи синим подглазурным кобальтом — традиционного гжельского художественного приёма.

В первые годы после Октябрьской революции из-за экономической разрухи, гжельские заводы простаивали. Затем они были национализированы, но наладить работу на них оказалось весьма сложно. Население Гжели стало возвращаться к прежнему кустарному труду — в примитивных маленьких мастерских изготавливали глиняные игрушки, обжигая их в домашних печах.

Внимание Советского государства к мелкой кустарной промышленности как к наиболее приемлемой форме производства в создавшихся условиях помогло Гжели выжить. В августе 1920 г. состоялся Всероссийский съезд по глиняной промышленности, наметивший меры по возрождению керамического района. В это время в Гжели работало шесть государственных фарфоровых заводов, более 30 мелких фарфорово-гончарных предприятий и малые мастерские отдельных кустарей. Заводское производство (в основном по выпуску электротехнического фарфора) постепенно налаживалось.

Подъём производства наметился, когда в деревне Турыгино был построен первый, хорошо оснащённый цех с семиметровым горном и открыт Гжельский керамический техникум. В 1936 г. новое производство оформилось в кооперативную артель «Художественная керамика». Одной из важнейших специализаций артели было изготовление фарфоровых солдатиков, всадников,

различных зверей, кукол-голышей. На эту продукцию спрос был всегда высок. Выпускали и декоративные изделия — вазы, статуэтки, наборы из семи слонов (считалось, что они приносят удачу и счастье в дом).

Существовал ещё один керамический завод «Всекохудожник», основанный в 1932 г. по инициативе талантливого керамиста В. Г. Монахова. С 1934 по 1941 гг. заводом руководил художник, искусствовед-исследователь А. Б. Салтыков (известны его труды о традиционном гжельском керамическом промысле). Под руководством А. Б. Салтыкова мастера приступают к воссозданию знаменитой гжельской майолики и полуфаянса. И хотя формы сосудов не походили на существовавшие в XIX в., в них уже были видны традиционные черты гжельского народного искусства. Появились первые чайники с дисковидным туловом, подсказанные формой кумганов, кувшины с крышками, восстанавливалась подглазурная роспись кобальтом с характерными изображениями бутонов, спиралевидных завитков, усиков, ягод и веточек, напоминающих гроздь.

В 1960–1970-е гг. гжельские изделия постоянно участвуют не только в общесоюзных, но и зарубежных выставках (Монреаль, Токио, Загреб), где получают высокие награды. Возрождается изготовление и традиционных изделий — сосудов со скульптурой.

К 1970-м гг. в Гжели сложилась стройная художественная система приёмов письма, закреплявшаяся и совершенствовавшаяся в индивидуальном авторском почерке, в своеобразии манер мастеров. Более всего художники Гжели ценят роспись кобальтом — ей подвластны орнамент и пейзаж, жанровые и тематические сюжеты. Это сложное ручное производство.

Сегодня в Гжели создан Культурный центр, объединивший гжельских художников и тех, кто трудится в цехах, учится в промышленном колледже, посещает детскую художественную школу — всех, влюблённых в искусство Гжели. Живописцы достигли высокого мастерства, многие получили звание «Мастер-художник 1 класса», «Заслуженный художник РСФСР», «Народный художник СССР». Их уникальные произведения хранятся в крупнейших музеях России. Гжель имеет и собственный музей, в просторных залах которого собраны великолепные образцы скульптуры, посуды из майолики, полуфаянса и фарфора. Стенды музея раскрывают всю историю Гжельского керамического производства. Здесь представлены археологические находки, письменные исторические источники: пожелтевшие от времени архивные документы, фрагменты книг XVII–XIX вв., почётные дипломы и грамоты.

В 1999 г. гжельской творческой группой «Малахит» освоен выпуск юбилейного столового гарнитура, посвящённого третьему тысячелетию; напольной вазы «Роза»; оригинальной скульптуры А. С. Пушкина; рельефного панно, посвящённого Рождеству Христову; монументальной скульптуры Георгия Победоносца; монументального изделия «Пасхальная пирамида». С 1995 по 2000 гг. гжельские мастера со своими изделиями принимали участие в международных выставках в Бельгии, Германии, Франции, Польше, Голландии, Австрии. Гжель поставляет свою продукцию в страны Западной Европы, Скандинавии, США, Японии. Идёт освоение рынка Юго-Восточной Азии. Гжельский художественный полуфаянс, выросший из подмосковного промысла, продолжает творить прочную славу русской керамики.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ЦЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ

В. Н. Расторгуев,

доктор философских наук,

профессор кафедры философии политики и права

философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Цивилизационное наследие России и роль культурообразующих конфессий в выборе общенациональной образовательной и просветительской стратегии

Духовное образование и просвещение — ядро национального и цивилизационного наследия¹, гарант сохранения и самовоспроизводства этнической и конфессионально-цивилизационной идентичности², а также специализированная деятельность, направленная на восстановление межпоколенческой связи и сама эта связь (конфессионально-цивилизационный код), основанная на многовековых традициях и, соответственно, на той культуурообразующей конфессии, которая формирует и «задаёт» иерархию ценностей. Верность цивилизационному наследию позволяет народам,

¹ Определение феномена цивилизационного наследия с описанием механизмов наследования см.: Расторгуев В. Н. Цивилизационное наследие России // Молодёжь — культура — политика: историческая память и цивилизационный выбор: VIII юбилейные Панаринские чтения: сборник статей / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Философский факультет. Отв. ред. В. Н. Расторгуев. М., 2012.

² О природе этнокультурной и конфессиональной идентичности в контексте выбора образовательных стратегий см.: Кучмаева И. К., Расторгуев В. Н. Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования. М., 2004.

с одной стороны, сохранять свой культурно-исторический тип («живые корни» локальной цивилизации), а с другой стороны, подняться над узкоэтническим горизонтом. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно выделить, поскольку именно здесь скрыто противоядие от этнокультурных конфликтов, разъедающих современное общество в эпоху почти не контролируемой миграции, порождающей в сознании людей особую модель поведения и жизненного выбора, которую можно было бы назвать «перекати-поле». Подобная модель наносит смертельный удар по той внутренней связи, которая существует между народами и землёй их обитания, обеспечивая единство двух важнейших функций — природосбережения и народосбережения.

Цивилизационная самоидентичность — корневая система народов, привязывающая их к земле, верованиям и культуре предков, — несовместима с жизненной практикой людей, следующих законам неограниченной свободы произвольного выбора «отцов», «родин», «историй» (образ жизни и мышления носителей субкультур «перекати-поле»). Представляется бесспорным, что носителем подлинной идентичности, если таковая достижима, может быть только живая человеческая душа, ибо ей предстоит делать выбор жизненного пути, памятуя об ответе на суде Божиим. Но можно ли с уверенностью сказать, что носителем культурной, национальной или, скажем шире, цивилизационной идентичности, является «моё я»? Кто возьмёт на себя смелость утверждать подобное, осознавая, что современный человек перемолот жерновами секулярного мышления, что почти каждый из нас, не желая того, стал заложником узкоспециализированного образования и мировосприятия, пожертвовав полнотой даров и выбором путей духовного становления? Пройдя через все круги ада отчуждения, человек вольно или невольно, но в любом случае наперекор воле Творца превращается в «частичного человека».

Обезличивание — цена, которую платит каждый, кто не устоял перед гонителями веры Христовой или был отторгнут от Матери Церкви искусом лжеучителей. Этот порок свойственен

странам и людям, смирившимся с превращением христианской цивилизации в постхристианскую. Свойственен он и тем из нас, кто старательно «выдавливает из себя раба», но не замечает, что освобождается не от гордыни, превращающей свободного человека в раба, а от раба Божия (а это псевдоосвобождение достигается легче всего: падать — не подниматься). Поэтому хотелось бы спросить себя и других: если не я и не ты, если не каждый из нас по отдельности является носителем культурной и цивилизационной идентичности, то кто же тогда? Может быть, носители нашей культуры — это социум, общество, народ? Трудно, наверное, опровергнуть логику небезызвестного философа и политолога Ж. Бодрийара, когда он говорит о том, что не стоит слишком доверять суждениям СМИ, отштампованным по единой мерке: «английский народ встал на сторону...» или «советский народ поддержал решение партии и правительства...». Во всех этих случаях речь идёт о массах, которые, по выражению Бодрийара (из книги «В тени молчаливого большинства, или Конец социального»), можно уподобить чёрной дыре: «Они не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще. Всё их пронизывает, всё их намагничивает, но всё здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остаётся без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают всё излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального. Именно в этом смысле масса выступает характеристикой нашей современности — как явление в высшей степени импловивное, не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией, а может быть, и вообще любой практикой и любой теорией»³.

Может быть, носителями идентичности являются не массы, а те, кто выделяется из массы или, что почти то же самое, выделяется массой? (Эти принципиальные различия социологи

³ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 8.

обычно не замечают, относя их, видимо, к стилистическим оттенкам.) Заметно выделяет себя и уже одним этим выделяется слой, называемый по русской традиции интеллигенцией. Правильнее («технологичней», по-американски) было бы называть тех, кто к нему принадлежит, «яйцеголовыми». Дело в том, что слово «интеллигенция» в отечественной культуре сопряжено с очень глубокими положительными или отрицательными коннотациями. А оценочные суждения и идеологемы, связанные с этим образом и понятием, мешают чётко определить функции интеллигенции как социальной группы. Сленговое словечко «яйцеголовые» лишено этого изъяна, поскольку предназначено для обозначения «голой функции», которая сводится к специализированной интеллектуальной деятельности и, в частности, к обслуживанию власти или оппозиции.

Особое направление этой деятельности — идентификация и индоктринация, что предполагает конструирование и внедрение (трансплантацию) самообразов в отдельные социальные группы и нации, государства и цивилизации. Именно так эти самообразы зачастую создаются, изменяются и корректируются, именно так «яйцеголовые» формируют за нас нашу идентичность, заставляя поверить в феномен самоидентификации. Нормальный человек, даже если и имеет некоторое представление о самоидентификации, передоверят эту работу «умникам». Нет, вероятно, ни одного человека, кто бы по собственной воле, без принуждения извне задумался над тем, насколько он идентичен самому себе... Такие вопросы возникают или у людей с некоторыми отклонениями от нормы (глубокий стресс, нелады с собственным «я», особенности психики), или у тех, кто занимается этим вопросом профессионально, по заказу или по призванию, или у студентов на семинарах по философии.

Если ни отдельные люди, ни народы не могут быть носителями идентичности, то, может быть, эту функцию выполняют цивилизации, например, западно-христианская и, соответственно, восточно-христианская, православная? Очевидно, что такой подход более конструктивен, так как даёт возможность целостного

видения, не отделяя, к примеру, этнокультурную и конфессиональную идентичность. Но и здесь возникает ряд затруднений, требующих пояснения. Сразу встаёт непростой вопрос о том, что называть цивилизациями? Если исходить из концептуальной схемы нашего великого соотечественника Н. Я. Данилевского, выделявшего и описывавшего культурно-исторические типы, а также восходящие к этой схеме концепции, например, А. Дж. Тойнби, то цивилизационный подход действительно представляется наиболее продуктивным. Суть этого подхода вмещается в формулу: «есть цивилизации, но нет цивилизации», то есть не существует единой, универсальной цивилизации, но существует и развивается многоликая человеческая цивилизация или, точнее, цивилизационное многообразие мира, и только в этом смысле можно говорить об общечеловеческой цивилизации.

Но и это уточнение не снимает вероятность грубой ошибки и даже подтасовки. К примеру, крайне популярная в наши дни концепция о неизбежном конфликте между христианской и исламской цивилизациями, также восходящая к этой схеме, включает в себе опасное политическое заблуждение. Подобным иллюзиям, как бы они ни казались правдоподобными, нельзя поддаваться, поскольку современная геополитическая ситуация не имеет ничего общего ни с христианством, ни с исламом, и правильнее было бы говорить о конфликте лжецивилизаций — псевдохристианской (или постхристианской) и псевдоисламской (или постисламской). Тойнби, к слову, жёстко и непримиримо отзывался о западной цивилизации. По его мнению, она не имеет права называться сегодня христианской, потому что стала не только постхристианской и не только неоязыческой, но и кощунственной по духу.

Именно здесь заключена необходимость принципиального выбора двух базовых схем, лежащих в основе осуществления национальной, культурной, информационной и образовательной политики. От выбора схемы зависит право на подлинную цивилизационную самоидентификацию.

Первая схема — выбор стратегии мультикультурализма (в т. ч. и образовательной стратегии в рамках общего политического курса),

в основе которой лежит принцип искусственно вызванного «культурного иммунодефицита», что предполагает поэтапное подавление «в интересах расширения толерантности» духовного начала национальной культуры доминирующего этноса и снижение религиозности основной части населения, составляющего большинство. Без такого искусственно вызванного «цивилизационного иммунодефицита» принципиально невозможна политика поощрения неконтролируемых миграционных потоков, обеспечивающая постоянный приток дешёвой рабочей силы (дешёвой только для работодателей, но не для национальных государств, несущих затраты на социальное обеспечение мигрантов). В Европе эта тенденция проявляется, как правило, в установке на ослабление роли христианских общин в социальной и политической жизни общества, а, следовательно, на «изживание» духовного наследия предков. Такой подход, до недавнего времени превалировавший в странах ЕС, но формально осуждённый ныне лидерами ряда ведущих европейских государств, в какой-то мере содействовал поддержанию этнокультурной терпимости, но только в краткосрочной перспективе. Как показала практика, в перспективе долгосрочной тот же подход содействовал накоплению трудноразрешимых противоречий, в том числе резкое снижение потребности мигрантов в адаптации к новым для них условиям, и привёл к существенному росту негативного потенциала межкультурной вражды.

По сути, подобные версии мультикультурализма, испробованные в ЕС, представляют собой слабый (карикатурный, но не менее опасный) вариант жёсткой антиклерикальной политики, характерный для эпохи большевизма. Для России повторение подобного опыта в любом случае станет губительным в культурном и политическом плане. К сожалению, попытки навязать именно такой подход при выборе моделей реформирования системы образования встречает поддержку в РФ как со стороны радикально левых (прокоммунистических) сил, так и со стороны радикально правых (либеральных и «прозападных») кругов.

Вторая схема — принятие стратегии, приемлемой для России. Эта стратегия заключается

в возвращении к традиционным формам поддержания конфессионально-цивилизационной идентичности (альфа и омега цивилизационного наследия России), которые в течение столетий служили основным гарантом межэтнического и межконфессионального согласия. Каждый из народов России сохранил и имеет возможность сохранить в будущем свою культуру. В этом заключена уникальность цивилизационного пути России, её высокая историческая миссия: она сберегла своё культурно-языковое многообразие во многом благодаря тому, что Русская Православная Церковь в течение тысячелетней истории поддерживала дух национального единства и уважения к инославиям. Именно это духовно-нравственное ядро великой русской культуры составляет «цивилизационный код» России, который столетиями предохранял наше Отечество от межэтнических и межрелигиозных войн, что позволило Российскому государству выстоять и окрепнуть под натиском враждебного окружения. Потеря цивилизационного кода ставит под вопрос существование страны, смысл союза народов.

В самом слове «образование» заключена система связанных между собой смыслов (концептов), равно значимых при определении образовательной стратегии и в процессе оценки человеческого потенциала, которым располагает Россия, как и любая другая страна мира. Образование — не столько накопление в сознании человека знаний о мире и законах творения (светское и духовное образование как специализированная деятельность), но и образование, то есть становление самого мира, акт творения. Этим же словом мы обозначаем также возникновение государств, народов, и, что самое главное, образование непреходящего из преходящего, тленного. Так — из тлена и плена закона греховного к вечной жизни восстаёт внутренний человек, находящий «удовольствие в законе Божиим» (Рим. 22, 23). Именно это даёт ему, слабому и тленному человеку, силу жить и преодолевать страдания, не впадая в грех уныния. Как говорит святой апостол Павел, «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное

лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4:16–18).

Творение — вот истинный источник человеческого творчества и образования как деятельности, побуждающей к сотворчеству, которое подчиняется законам творения и направлено не на разрушение мира, а на сбережение жизни. Богоборческий и унылый пафос разрушителей привёл к тому, что высшей целью государственной политики и образовательных стратегий стали не природосбережение и народосбережение, а преступная готовность пожертвовать и тем, и другим. Пожертвовать в угоду заведомо ложной идее — будь то построение рая на земле, где не будет места Спасителю, и «формирование новой социальной общности» из подручного природного и человеческого материала (людей и народов) или победа сверхчеловека над «недолюдьми», которые также рассматривались как материал, глина для лепки. Бессмысленно вопрошать: достойно ли человека и общества лишать народное образование высшего смысла ради тлена? Никто не позволял людям, которые ещё недавно называли себя с гордостью безбожниками, разрушать единство двух начал народного образования — светского и духовного. Каждое из этих начал дополняет друг друга и, предполагая возможность узкой специализации, не допускает разрыва. За разрывом стоит непоправимое — перерождение светского образования в бездуховное и потому антинациональное, а если быть точным — в тлетворное.

Духовно-нравственное образование или самообразование в самом широком и глубоком значении этих слов — становление духовных качеств личности, национального духа и религиозного самосознания народа. Народное образование в узком значении этого слова — один из факторов и одна из сторон процесса образования народа, процесса государственного самоопределения и становления национальной культуры. Духовное образование, закладывающее в душу человека и общественное сознание смыслжизнеобразующие ценности и открывающее тем самым всё богатство дарованных нам возможностей, — это не менее важное измерение

или составляющая национального потенциала, чем средний образовательный ценз или, к примеру, научный потенциал страны. Правда, критерии определения духовного потенциала прямо противоположны тем, которыми мы пользуемся при определении потенциала интеллектуального.

Если речь идёт о светском образовании и определении интеллектуальных возможностей человека и общества, то на первый план выдвигается понятие «минимум», например, «образовательный минимум». Когда же мы говорим о духовном образовании, то мы имеем в виду совершенно иное — нравственные максимы, максимум возможного и доступного человеку, ибо наша цель в данном случае — не социальная или профессиональная адаптация и даже не приобретение навыков выживания через активное приспособление к миру, а духовное спасение. Без этого «максимализма» нам не обойтись, если мы действительно хотим сохранить и приумножить потенциал России. Не обойтись нам и без людей-максималистов, которые не умеют щадить себя. Добру и мудрости нельзя научить, но можно научиться, когда в твоей жизни встречаются подвижники, светочи духовности.

Какой должна быть государственная стратегия образования в период, когда общество мучительно ищет и не находит пути выхода из тупика, названного «конфликтом цивилизаций»? Вся история становления российской государственности и великой русской культуры свидетельствует: образование России как государства начиналось с духовного образования русских и других народов, соединивших свои судьбы на Русской земле. С духовного оскудения начинался, как это бывало и в прошлом, распад России, раскол её многонациональных земель. В поиске общенациональной образовательной стратегии следует помнить, что Россия для её граждан и соотечественников — нечто большее, чем государство в его нынешних границах. Россия — Отечество, а уже в самом этом имени заключён образ отчего дома, построенного волей, разумом и руками пращуров во славу Отца Небесного. Иное дело государство. Оно способно, как змея, сбросить старую кожу, а с нею и многие обязательства перед людьми, историческими

союзниками и Богом. Если принадлежность человека какому-либо государству определяется как подданство, то принадлежность отечеству — как гражданственность, наличие которой не укажешь в паспорте и не заверишь гербовой печатью: нет такой графы.

Гражданственность — это сопричастность судьбе отчей земли, и она не всегда соответствует формальному гражданству, которое можно поменять при случае и приумножить по желанию (двойное и множественное гражданство). Гражданственность — чувство духовной солидарности, связывающее человека с землёй отцов. Оно объединяет отдельных людей и семьи — в поколения, поколения и этнокультурные группы — в единый народ, а эпохи культурного развития народа — в цивилизацию. Опора гражданственности — чувство духовного гражданства, открывающее человеку, свободному в своём выборе, путь к истинному отечеству. Отечество без веры отцов, без небесного отечества — дом, в котором нет места Спасителю, а, следовательно, и спасению.

Соответственно, и учительство — не только профессия, но и особый социальный институт по сохранению в памяти поколений образа Отечества... Учительство вполне можно было бы назвать и продолжением отцовства, так как его главная функция — восполнение необходимого для полноценной жизни человека уникального социального опыта. Настоящему учителю труднее, чем кому бы то ни было смириться с деформацией государственной системы народного образования. Труднее, но не потому только, что учительство отброшено за черту бедности. Просто учитель лучше других видит, как в процессе размывания уклада народной жизни сводится на нет будущее России — вместе со здоровьем детей, духовным и физическим. Учителю особенно больно, ибо ему дано понять, что народное образование в России — это образование её народов, то есть их культурное и экономическое становление.

Если мы хотим не на словах, а на деле вернуть России её образ — образ великой державы, которая не только удерживает части света, но и несёт в себе духовный свет веры, не давая народам

погрузиться во тьму, то начинать надо именно с образования, а точнее с государственной образовательной стратегии. При этом следует четко зафиксировать отличия между системой образования и системой духовно-нравственного просвещения, которую мы должны общими усилиями создать в ближайшие годы. Отметим только несколько свойств, характеристик системы просвещения, отличающих её от системы образования (детальный анализ содержится в «Концепции духовно-нравственного просвещения современной России»).

Первая характеристика — совершенно добровольный характер просвещения. Образовательная система всегда связана с «обязаловкой», ограничена жёстким планом, контролем за «объёмом образовательных услуг» и соответствующей отчётностью. То, что хорошо для образования, губительно для просвещения, где всё делается не в силу внешних обязательств, а только и исключительно по внутренней потребности.

Вторая характеристика системы духовного просвещения — её дополняющая и компенсационная функции, позволяющие, как уже отмечалось, восполнить неизбежные пустоты, прежде всего в сфере гуманитарного знания и духовной культуры, неизбежно возникающие в процессе образования (в том числе и специализированного духовного образования) на всех его ступенях, что особенно чётко проявляется по мере специализации. Воистину, «специалист подобен флюсу», как писал в своё время небезызвестный Козьма Прутков. Система духовного просвещения, которая в любом случае хотя бы частично накладывается на систему народного образования, призвана не только расширить спектр школьных или вузовских дисциплин, интересов, культурных ориентиров, но и изменить сам уровень духовных запросов человека.

Третья характеристика системы духовного просвещения — её способность замещать отсутствующее или дефицитное общее или специальное образование, если оно недоступно по каким-либо причинам — будь то социальное неравенство, нищета, обычная леность души и ума. Четвёртая характеристика — реабилитационная функция, которая становится наиважнейшей,

если речь идёт об отдельных личностях и целых социальных группах, добровольно или условно-добровольно преодолевающих собственные пороки. Сегодня всё наше общество нуждается и в такой реабилитации.

И наконец, последняя, пятая и основная особенность системы духовного просвещения — присущая ей миссионерская функция, которую можно толковать и в широком, светском понимании этого слова, и в узком смысле — богословско-религиозном

(все знают: путь к спасению — узкий и тесный, но единственно возможный). Здесь всё зависит от понимания миссии — и как высшей цели в иерархии целей, и как основной функции, и как высшего призвания, и как служения. В этом последнем, но самом высоком понимании имеют право на признание и религиозно-миссионерское искусство во всём многообразии жанров, и его организованная поддержка, в том числе со стороны государства и гражданского общества.

А. Г. Шустров,
доктор культурологии, профессор,
зав. кафедрой Ярославского
государственного университета

Культурное наследие и духовный ренессанс России

Историческое долголетие России поразительно. Её последовательность в осуществлении национально-государственных задач принесла ей невиданную мощь и величие. Характер и культурное достояние народа во многом определяются конечной целью его становления. Стихийное развитие славянства, составляющего основной этнический элемент России, началось значительно позднее других народов Европы. Арийские предки славян в эпоху «великого переселения народов» заняли северную часть Европы¹. Они становились известными под разными именами древним авторам при появлении их воинственных племенных союзов на рубежах античной цивилизации. Римский историк II в. Тацит называет их *венедями*, чей этноним сохранился в обозначении Венеции. В IV в. праславяне упоминаются в Северном Причерноморье под именем *антов*. Начиная с V в. в трудах греческих и иных историков они встречаются уже под собственным родовым именем *склавинов*, или *славян*. Период с VI по VII вв., по праву, можно назвать «золотым веком» русской предыстории. Агафий, Иоанн Эфесский, Иордан, Исидор Севильский, Маврикий, Менандр Протиктор, Прокопий Кесарийский, Феофилакт, Симокатта и др. наперебой описывают особенности нового врага византийской империи, отмечая его

высокие способности и некоторую необычайность нрава по сравнению с хорошо уже известными византийцам прочими варварами². В результате «славянской войны» Константинополь потерял все балканские владения. Исторические области Иллирии, Фракии, Македонии и даже часть собственно Греции оказались славянизированными. Спорадически разбросанный на огромной территории от Эльбы на западе через всю Центральную Европу к южным морям славянский этнос оставил неизгладимый след в европейском средневековье. Не имея организованных сил на западе, полабские и лужицкие славяне не смогли надолго сохранить самостоятельность. Зато на юге, на границе с Византией, возникает государственность, приведшая к исторической перспективе славянского народа.

Славяне пришли и сели на Дунае, по словам Нестора Летописца. На северо-восток от Дуная, вдали от непосредственного соседства с могущественной империей в гуще славянских племён формируется новое геополитическое сознание — «Русская земля», впервые упоминаемая в договоре князя Олега с греками³. Удивителен первый росток будущей вселенской цивилизации. Здесь отражается раннее стремление к универсальности, собиранию земель, достоинство и чувство ответственности за нечто большее, чем узко национальные интересы.

Евразийцы часто писали о влиянии на характер русского народа земных просторов, географических условий, определяющих приспособительные качества труда и общественных отношений. Но «дух бодр, плоть немощна» (Мк.14, 38). Вещество по природе своей всегда ограничено. Прикованный к земле ум создаёт локальную традицию. Цивилизации «сапога»,

¹ Об индоевропейской языковой семье и предыстории славян см., например: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские моделирующие семиотические системы. Древний период. М., 1965; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

² См., например: Иордан. О происхождении и деяниях гот. М., 1960; Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1959; Тацит. Германия. В 2-х тт. Л., 1969; Феофилакт Симокатта. История. М., 1957; Свод древних письменных известий о славянах (I–IV вв.). Т. I. М., 1994; а также исследования: Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; а также труды по древнерусской истории Грекова Б. Д., Литаврина Г. Г., Мавродина В. В., Рыбакова Б. А., Третьякова П. Н. и др.

³ См.: Соловьёв С. М. Сочинения. В 18 кн. М., 1993. Кн. 1. Т. I–II.

как назывались в русских летописях гражданские народы, были неподвластны русскому оружию и не пускали в свою жизнь.

От языческой поры нам в наследство досталась молодость физически сильного народа с природным желанием учиться. Языческие верования глубокого склада в народной душе не оставили, не всколыхнули в ней потаённых чувств. В отличие от германцев и других европейских народов, славяне другого Рима, кроме Константинополя, не знали. Они не впитали в свою исторически детскую душу гармонию холодных форм и юридического порядка. Византия готовила им живой дар веры, преобразивший «Русскую землю» в «Святую Русь». На этом закончились языческие движения славянской природы, началась творческая история духа. Такой высокий общественный идеал, доселе невиданный, мог быть только у неудовлетворённого громкими военными победами народа. Христианские идеи сильно врезались в душу первоначально русской дружины, постепенно проникая в саму толщу общественного бытия. По непосредственности и свежести восприятия новых духовных ценностей Древняя Русь могла превосходить даже самих греков, потративших много сил на богословские диспуты. Россия приняла христианство горячим сердцем, а не холодным рассудком. В течение нескольких десятилетий она проделала грандиозную духовную работу и продемонстрировала примеры высокого иноческого и нравственного подвига, приведших к формированию национальной культуры нового уровня. Настало *время ученичества*, показавшее уникальную пытливость русского ума.

С этого момента, можно сказать, рождается новая русская быль, как впечатление Византии, как глубокий духовный след её жизни⁴. Георгий

⁴ См., например, литературу об этом: Бердяев Н. А. Русская идея. Париж, 1946; Ильин И. А. Основы христианской культуры // Одинокий художник. М., 1993; Карташёв А. В. Православие и Россия // Православие в жизни. Нью-Йорк, 1953; Концевич И. М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М., 1999; Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Избранное. М., 1993; Лихачёв Д. С. От Илариона до Аввакума // Памятники литературы Древней Руси XVII в. Книга 3. М., 1994; Лотман Ю. М. Проблема Византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Избранные статьи: в 3-х ч. СПб., 1992. С. 121–128; Ключевский В. О. Церковь и Россия. Париж, 1969;

Флоровский писал, что только на путях византийской мысли Россия добивалась значительных культурно-исторических результатов⁵. Этой первой любви русские люди не изменяли на протяжении многих веков, ею наполнялись, ею побеждали недругов и достигали величия. Любовь к Богу и человеку составляет суть христианской веры. В ней заключается главная преобразующая сила. Современное научное понятие «культура» проистекает от всеохватывающего христианского чувства и включает в себя множество толкований. Наиболее известное из них — «обработка, возделывание земли». За подобной отвлечённостью скрывается вовсе не род хозяйственной деятельности, а индивидуальное призвание человека стать выше исключительно телесных и вещественных интересов.

Начиная с первых шагов своего исторического цивилизованного развития, общественное сознание России, её литература, философия, искусство, опирались на *святоотеческую традицию*. Святой отец представляет собой явление христианской жизни. Так назывался подвижник, отличающийся глубиной духовного созерцания, праведностью и литературным талантом. На своём опыте он практически раскрывал незримые истины веры. Этот опыт автор запечатлевал в тексте, становящемся практическим пособием духовного созревания. Благодать евангельского учения всегда действует через внутренний мир самовоспитания. *Святоотеческая традиция*, получившая особое развитие в Византии, перешла на Русь как главное её богатство и *культурное наследие*.

С позиции восточно-христианского учения, святоотеческой книжности, культура не представляет собой вида и форм общественной деятельности, а, напротив, относится к сугубо индивидуальной работе человека, ищущего встречи с Богом. Христианский Бог — не Бог рода, а *личностный*. По христианскому вероучению, боговоплощение соединило полноту божественной и человеческой природы. К главному событию

Тальберг Н. Д. Святая Русь. СПб., 1992; Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре // Первый век христианства на Руси. М., 1995; Федоров Г. П. Лицо России. Париж, 1988 и др.

⁵ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж, 1983.

персональной жизни необходимо готовиться, обрабатывая «землю своего сердца». Один из главных христианских императивов можно выразить словами: «Вы не те, кем должны быть». После этого признания консервативная языческая традиция России уходит в прошлое. Впереди — другая цель и движение к намеченному идеалу.

Термин «культура» очень часто встречается в научной и публицистической литературе. Оттенки его смыслов огромны. Но с полной уверенностью можно говорить об их христианском религиозно-философском истоке. Греческие отцы Церкви писали о культуре как творческой энергии, идущей от Бога к человеку, а от него — ко всему сущему, преображающей мир и наполняющей его новыми духовными смыслами⁶.

Несовершенство личности предполагает её постоянное изменение. Дыхание Византии принесло на Русь высочайший, богоподобный дар свободы. Общественный идеал язычества имел внешнюю константу, постоянство которой зависело от успехов в межэтнических отношениях, побед или поражений. Глядя на этническую историю, видно, что его энергии хватало ненадолго. Вера в христианского Бога формировала противоположную одностороннему и плоскостному языческому восприятию жизни глубокую, эшелонированную культурную среду с этническим институтом — Церковью. Либеральные отношения между Церковью и родовым строем стали основой государства и формой цивилизационной жизни. Появился новый объективный критерий всеобщего развития и роста. Зарождение в Киевской Руси социальных институтов семьи, хозяйства, школы, собственности, науки, искусства и т. д. стало прямым следствием воздействия христианской идеи на общество. Индивидуальная устремлённость к Богу разрушила социальный монолит и приобщила к творческой энергии личности отдельные части общественной природы. Индивидуальность оказалась фактором внутреннего творчества и внешнего производственного роста. Те формы исторического существования, которые

выработала античность, стали доступны России через веру, в христианском переложении. Без таковой они теряют творческий характер и, вместо поддержки, сокрушают человека. То, что было принесено с верой, только с верой и может существовать.

Церковь как мистический союз человека и Бога поразил своей нескончаемой новизной языческое сознание. Исторически имея в ней главную цель внутреннего бытия, русский человек сохранял свою природную цивилизацию в противостоянии ордам азиатских кочевников. И, напротив, вне церковных ориентиров его культурные одежды, мгновенно ветшают и под гнётом других цивилизаций не могут найти себе поддержки ни в идеях, ни в материальных средствах. Великий учитель христианского Востока Иоанн Лествичник писал, что интерес к деньгам есть признак старости, а человеческая изобретательность в этих условиях ведёт ко злу.

Равноапостольный князь Владимир насадил Церковь среди однородного славянского этноса, в отличие от Византии, где динамика общественного развития проходила по оси «Церковь — гражданское общество», состоящего из множества эллинизированных народов Востока. В России христианская вера первоначально противостояла родовому опыту восточных славян. Позже, государственно объединяя уже и другие народные традиции, она приобщала их к своим базовым духовным ценностям через национально-культурные каналы русского народа. В свою очередь, последний термин обозначал не собственно этническую единицу, а религиозно преобразованную языково-культурную среду, вселенское начало которой было притягательной перспективой для национальных окраин.

Русская национальная идея смолоду соединяла себя с жизнью Церкви. С течением времени родовые отношения исчезали, уступая место новым. Но вместе с расширением христианской цивилизации модифицируется и язычество, которое, по словам Апостола Павла, есть «почитание твари вместо Творца» (Рим. 1, 25). Сами культурные формы и символы становятся нередко объектом почитания как признак

⁶ См.: Шустров А. Г. Творчество и культура в свете традиции византийской мысли. Ярославль, 2005; Он же. Город. Культура. Познание: в трудах восточных отцов Церкви. М., 2010.

самообожествления человека. С этим попятным движением духа вселенская религия ведёт непрерывную борьбу. «Не мир принёс Я вам, а меч» — говорится в Евангелии (Мф. 10, 34). Историческая Церковь всегда воинствующая. Главным её противником является зло, которое понимается святыми отцами как духовная бесплотность человеческой деятельности в результате неправильно выбранного пути.

По словам христианских авторов, зло активизируется там, где действует благодать. Не знаяшие альтернативы древнеязыческие предания были единственным законом в доисторическом строе России. Наследие христианской цивилизации всесторонне отразилось на всём укладе Руси, породив целую систему культурных смыслов и значений, пробуждающих движение к духовному ядру. На «дальних подступах» к церковной ограде формировалась культура религиозного нейтралитета, вовлечённая в соборное творчество. Околохрамовая культура уже «дышала» его содержанием. Максимально заряженные религиозной идеей отшельники уходили в скиты. Возвращение монашества к участию в делах мира составляет характерную черту византийского типа цивилизации. В этом отношении традиционная русская культура является прямым её продолжением.

Обработанное христианским духом пространство было уже не только «Русской землёй», но и Родиной, миром, где появлялось на свет *церковное сознание*. Внутри него существовал истинный *критерий* жизни, неизбежно вызывающий *критику* несовершенства, заканчивающуюся *кризисом* закостенелости. Вне Родины русский человек не мог, и даже не начинал жить.

Вера не только объединяет людей, но и разделяет их, делая это в двух направлениях. В одном из них человек осознаёт *неповторимость* индивидуального пути к Богу, свободу и ответственность перед собой, связанные со страхом предать себя и всю свою жизнь. Творческое одиночество особенно остро проявляется в сакральном пространстве. Вне его царят родовые интересы неудовлетворённой чувственности. Как писали святые отцы, желание воспроизвести себя в собственной природе есть у несовершенного *целью*

человека. Несостоятельность *личных* планов в мире отвлечённых знаков и вещей очевидна. «Мир Мой даю вам» — читаем мы у евангелиста Иоанна (Ин. 14, 27). Христианская вера всегда «взрывает» одностороннюю гармонию социальных форм, обособляя личность от родового бытия и формируя новую, уже персональную область смыслов. Дистанция между культурой, преобразующей духовную сущность человека, и системой отвлечённых от этой цели знаков, в христианской цивилизации определяется индивидуальным выбором. Она сохраняется на протяжении всей истории, как главная её альтернатива. Макарий Египетский отмечал, что если бы Бог захотел, то вложил бы в уста апостолов неопровержимую силу проповеди, способной покорить весь мир целиком. Тогда бы перестала существовать свобода человека, в том числе и свобода на зло. Христианский идеал во времени и далёк, и близок, но история не знает совершенства, а только живую волю и энергию действия.

Нескончаемая творческая работа духа на протяжении веков делала Россию постоянно молодой. Никакой другой культурный образец, кроме византийского православия, не оставил в ней неизгладимого следа. Даже увлечение Европой объясняется ошибочным стремлением России найти в ней привычную для себя авторитетную опору после падения Константинополя. Обретая на Западе новшества материальной цивилизации, душа русская оставалась неудовлетворённой и встревоженной этой встречей с чуждой культурой⁷.

О России сказано очень много слов и её доброжелателями, и её недругами. Многие видели в ней что-то необычайное, невыразимую никакими средствами тайну, едва приоткрывавшуюся во внешних культурных одеждах. Природа духа недосказана. Она придаёт человеку творческую энергию, результаты которой не всегда заметны. Стремиться стать лучше, чем ты есть, и вовлекать, словно воронка, поверхностные слои жизни в духовную глубину личности,

⁷ См.: Шустров А. Г. Византизм и русская культура // Вестник факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2005. С. 127–132.

являются отличительными чертами русского народа. Насколько важны развитые культурные формы как показатели сильной общественной природы, раскрыл наш XX в. Традиционные стереотипы России по инерции сохраняли её могучее историческое тело. Но они уже не служили проводниками создавшего их индивидуального движения. Лишённое источника внутреннего развития тоталитарное общество стало распадаться. Ослабленная церковными гонениями традиция не смогла этому воспрепятствовать. Из обломков советской империи вышел новый охотник и собиратель, добытчик денег и коллекционер чувственных удовольствий. Неожиданно раскрывшаяся социальная дикость протестует против всех прежних ограничений и этических табу. Распущенное родовое сознание также противостоит и классическим образцам культуры, требующим определённой дисциплины. Пробудившийся частный интерес, не удержанный ни идеями, ни производственными знаниями, когда-то воспитанными христианской цивилизацией, эгоистичен. Исторически он несостоятелен из-за ослабленного чувства социального взаимодействия, питающегося религиозной совестью.

Россия неожиданно приблизилась к катастрофе, которую внешние культурные способы представить бессильны. Общественный ренессанс России напрямую зависит от возрождения в человеке чувства святости. На фундаменте авторства собственной жизни восстанавливаются

жизнеспособные оригинальные социальные институты, преобразующие безымянную слитость толпы. Колокол преобразований должен пробудить совесть человека и поддержанную обществом его творческую инициативу. Пока *истинное культурное* наследие России находится под спудом разного рода экономических заимствований и чужих рецептов улучшения жизни нашей страны, она неизменно теряет свой удельный вес в мировой цивилизации и становится объектом уже потенциального дележа своих природных богатств.

Хочется закончить мысль словами Ф. М. Достоевского: «Смирись, гордый человек», перестань строить планы весёлой, беспроblemной жизни, возьмись за серьёзную работу, пробуди «любовь к отеческим гробам, родному пепелищу» и обретёшь смысл бытия, свой дом, свою страну и собственное достоинство. Не относись к христианству как к обветшавшей идее на фоне научно-технического прогресса. Православные ценности не имеют ничего общего со временем. Они находятся вне истории и никогда не стареют. К их реализации человечество никогда ещё и не приступало в полном объёме. Это всегда было уделом отдельных личностей. И, может быть, именно сейчас нам, живущим в XXI в., ощущение вечности более необходимо, чем прежде, из-за неожиданно раскрывшейся картины возможного конца истории и природной несостоятельности человека.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ РУССКОГО МИРА

*Е. Н. Селезнёва, доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник РНИИ культурологии*

А. В. Каменец, доктор культурологии, профессор РГСУ

Проблемы формирования ценностных параметров национально-культурной идентичности в современных проектах «культурологии русского мира»

Кризис гуманитарного образования, начавшийся с середины 1990-х гг., неуклонно подрывал исторически сложившиеся стандарты образования и воспитания. Гуманитарные предметы, а вместе с ними и содержание гуманистических ценностей и идеалов человечества, оказались не просто не востребованы, но фактически девальвированы как устаревшие и неадекватные в век торжества рациональности и рыночных измерений качества жизни. Более того, получила распространение оценка истории России, её многовековой культуры как «негативной идентичности». По определению ведущих социологов, негативная идентичность конструируется на основе представлений о себе как ««неспособных изменить жизнь к лучшему», «обиженных», угнетённых, обделённых, с ущемлённой национальной гордостью, комплексом неполноценности и т.д.»¹.

В ходе социокультурных трансформаций 1990-х гг. разрушились не просто символы «великой державы», что реально выразилось в отрицании культурного своеобразия и традиционной идентичности России, но и установки на какие-либо перспективы развития страны, сохранения её базовых позитивных ценностей, без чего, как

¹ Дробижина Л. М. Идентичность и этические установки русских в своей и иноэтничной среде // Социс, 2010. № 12. С. 53.

очевидно, невозможно управление реформационными процессами.

Всё это, безусловно, отразилось на процессе образования и воспитания, вольно или невольно транслирующем принципы негативной идентичности как условия и фактора социализации личности.

В Законе Российской Федерации «Об образовании» определение целей и задач воспитания включает в себя «моделирование воспитательного пространства самоопределения и самореализации личности».

Учитывая эти факторы, следует признать необходимым кардинальное обновление принципов и стандартов образования и воспитания, повышение статуса гуманитарных наук и их роли в формировании национально-культурной идентичности на основе возобновления преемственности поколений россиян, прервавшейся в ходе реформ 1990-х гг.

Достижение этих целей невозможно без разработки дискурса «позитивной идентичности» и проектирования ценностных параметров духовно-нравственного развития личности как базовых понятий социализации и инкультурации. Эти параметры содержательно будут выражать те духовно-нравственные символы, которые лежали в основе формирования национально-государственной идентичности России, репрезентировали её историческое прошлое, наследие и традиции, богатое культурное достояние.

Главная задача проектирования ценностных параметров формирования позитивной идентичности — разработка историко-культурологических программ, раскрывающих дискурс духовности в контексте важнейших исторических эпох развития российской государственности: Киевская Русь — Московское царство — Российская империя — Советский и Постсоветский период.

Каждый из этих этапов раскрывает особенности становления русского национального характера, которые и предопределили «прерывность» (дискретность) русской истории, её неорганичность «по сравнению с эволюционистскими тенденциями в Западной Европе, когда «дифференциация и интеграция»

(по определению Дюркгейма) становятся важнейшими критериями становления европейского социума в его неуклонном стремлении к адаптации, что определяло и рационализацию образа жизни.

Совсем не те движущие силы проявляются в русской нации. В русском самосознании, по мнению Н. А. Бердяева, превалирует «эсхатологическая идея», которая принимает форму «всеобщего спасения». Русская религиозность носит соборный характер, чего нет в западной культуре и религиозной традиции².

Причины «нерационализируемости» русской национальной индивидуальности Н. А. Бердяев видит в определённой «противоречивости» народной индивидуальности: «народ, обладающий величайшим в мире государством, не любит государства и власти», «у русского народа нет той любви к историческому величию, которым так пленены народы Запада», «русские моральные оценки определяются по отношению к человеку, а не к отвлечённым началам собственности, государства, не к отвлечённому добру», «русские ищут не столько организованного общества, сколько общности»³.

«В России не было резких социальных границ, не было выраженных классов. Россия не была в западном смысле страной аристократической, как не стала буржуазной. Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовое и искание правды; индивидуализм, обострённое сознание личности и безличный коллективизм; национализм и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость, рабство и бунт»⁴.

² Бердяев Н. А. Русская идея. СПб., 2012. С. 298.

³ Там же. С. 298–299.

⁴ Там же. С. 30–31.

Тогда как же можно выразить «русскую идею» как универсальную черту русского самосознания? Н. А. Бердяев не рассматривает её как основу преемственности историко-культурного опыта, поскольку этот опыт прерывен, и, соответственно, обрывает исторические связи как интеграцию в социокультурном опыте достигнутого уровня, от которого можно двигаться к другим адаптационным позициям. Нет, Н. А. Бердяев выводит русскую идею именно из «совмещения противоположных начал». Каждый век русской истории, по его мнению, имеет свои характеристики русской идеи. Поэтому «выбор века» по наиболее типическим характеристикам проявленности духовных и социальных исканий и определения Русского национального типа становится у Н. А. Бердяева методологическим объяснением не «строго научного» и в этом смысле «нерационализируемого» понимания русской идеи.

По мнению Н. А. Бердяева, невозможно дать «строго научное определение русского национального типа»⁵, поскольку речь здесь идёт о «народной индивидуальности». Любое научное понятие, как известно, обобщает некие эмпирические факты, данные. А если учесть, что все социальные понятия и категории разработаны преимущественно западной социологией, которая имела совершенно иной исторический опыт, чем Россия, то становится очевидной та трудность, о которой говорит Н. А. Бердяев. Он приводит известные слова Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить». Это как бы «тайна» определения народной индивидуальности, непостижимая с помощью рационального знания, но открывающаяся через теологические категории веры, надежды, любви. «Русский народ религиозный по своему типу и по своей душевной структуре»⁶. Н. А. Бердяев стремится раскрыть этапы формирования русского исторического самосознания, охватывая разные периоды русской истории, которых он насчитывает пять: «Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия

московская, Россия петровская, Россия советская и, возможно, что будет новая Россия»⁷.

Безусловно, такая широкая экспозиция требует междисциплинарных подходов в подготовке и формировании образовательных программ, которые в какой-то степени будут и частями монографических исследований, но целенаправленно сконцентрированных на решении образовательно-воспитательных задач.

Исторические вехи формирования русской идеи заложены в формировании позитивной идентичности Киевской Руси. Она определяется, прежде всего, преемственностью опыта веры как стиля христианского наследования. И здесь необходимо выделить и учесть в качестве фактора развития русской духовности роль патристики (Учения Отцов Святой Церкви), в недрах которой формируются герменевтические методы, в том числе, метод аллегорической экзегезы, сыгравший огромную роль в формировании русской духовности. Духовная герменевтика / экзегеза определила основные параметры христианской картины мира, отличающиеся от языческих представлений как своей исторической темпоральностью — эсхатологически-векторным онтологическим основанием, так и Символом Веры — тем сакральным сознанием, которое сформировало монотеистическую картину мира.

Поскольку генезис исходного духовно-культурного фонда восходит к византийской традиции, следует достаточно обстоятельно рассмотреть восточно-христианский дискурс и те последствия культурно-исторического развития, которые связаны с принятием христианства. Древняя Русь наследует тот богатейший культурно-духовный опыт, который был накоплен к этому времени Византией, обладавшей по свидетельству исторических источников высочайшей культурой во многих областях богословия, философии, этики, эстетики, архитектуры, словесности, искусства церковной поэзии и т.д. Наследие Византии в русской культуре по-разному оценивалось философами и культурологами — от признания значения «русского византизма» до отрицания его позитивной роли в культурно-историческом развитии

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Там же. С. 297.

⁷ Там же. С. 31.

Древней Руси. И эти альтернативные акценты также должны присутствовать в образовательных программах изучения истории России для того, чтобы представить всю палитру множественных позиций, в контексте которых формировалась позитивная идентичность русской национальной культуры.

В формировании русской духовности большую историческую роль сыграли св. братья Кирилл и Мефодий, канонизированные впоследствии в «лике святых». Переведя на славянский язык Библию и другие святоотеческие тексты, они дали возможность изучать патристику. Наиболее известными на Руси стали богословы — св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Иоанн Златоуст, св. Ефрем Сирийский и другие.

Патристика как форма построения христианской культуры и одновременно её саморефлексия, определила общую логику формирования восточно-христианской культурной традиции, в которой соединялось «несоединимое» — вера и знание — «Иерусалим и Сокровенные Афины», по определению Л. И. Шестова. Это не просто совокупность теологических догм, предопределивших методы христианского философствования, но прежде всего способ универсализации христианского духовного опыта, который теперь уже можно было наследовать не только соплеменникам, но и транслировать во времени.

Методы духовной герменевтики / экзегезы позволили адекватно интерпретировать / истолковывать канонические тексты, не искажая их духовного содержания. Семиотика канонических текстов (смыслоозначающих символов) создавала особые культурные коды, которые становились своего рода «объясняющей моделью» бытия и мышления. Эти культурные коды и будут в дальнейшем истоками формирования православного дискурса русской духовности, в котором актуализировались и закреплялись не просто догматические учения как «сумма знаний» или их институциональные носители, но прежде всего антропологические и социальные установки и практики устройства внутреннего мира человека. В отличие от языческой картины мира, здесь уже нет «слитности

материального и духовного». Духовное начало вычленяется в оппозициях добра-и-зла, света-и-тени, целомудрия-и-порока, истины-и-заблуждения и т.д.

Это духовное содержание составляет «ядро», христианско-антропологический стержень русского менталитета, заключающийся в особом строе самосознания, а также синергетической православной практике молитвенного общения с Богом. Огромную роль в развитии русской духовности сыграло **учение исихазма** — специфической сакральной антропотехники, позволявшей достичь высочайшей фазы духовно-нравственного совершенства, понимаемой как «обожение человеческого естества», или, ещё точнее, в церковно-мистическом значении — «стяжание благодати».

В возрождении образа позитивной идентичности России существенное значение имеет реконструкция и современная интерпретация исходного восточно-христианского дискурса, соответственно, его содержание и герменевтические методы трансляции этого содержания (из глубины веков) в современную актуальную культуру. Очевидно, что такие разработки должны находиться в рамках культурологического знания; это не могут быть аутентичные реконструкции богословских учений (что, видимо, возможно, или даже необходимо в рамках богословия); но в пределах культурологии задача заключается в современной научной интерпретации этого знания, его понимания и преемственности того духовно-культурного фонда, который выступал в качестве исходных оснований развития христианской культуры в Древней Руси.

Соответственно важны не только сами знания о русской духовности как специфический интеллектуальный фонд человеческой культуры, легче всего считываемый в информационных кодах, но прежде всего, знание ценностных, личностных установок, духовной энергетики, которые составляли особенности устройства внутреннего мира человека, особый строй его сознания, представленный в святоотеческой антропологии.

Одной из главных его составляющих в контексте святоотеческого учения о синергии, была особая антропотехника, которая в

рамках учения исихазма существенно обогатила антропософию человеческого измерения. Культивирование аскетической традиции исихазма сыграло здесь особую роль.

Первоначальный христианский антропологический базис заложил основы формирования христианской этики, воплощаемой не только в воспитании личностных черт, но и в христианской социальности: нормах, практиках, социальном поведении, социальной организации и т.д.

В формировании русской христианской этики сыграли определённую роль конкретные исторические образцы, представленные в литературных памятниках древнерусской культуры — «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, «Поучении детям» Владимира Мономаха, «Речи философа» в «Повести временных лет» и других литературных источниках, которые надолго стали кодексом социальных нормативов организации социума — заботы и помощи нуждающимся, милости и доброты в отношении к немощным, правил поведения и организации образа жизни для разных слоёв русского социума. Это действительно были «родники» христианской этики Киевской Руси. Идея милосердия была явлена не только в качестве «идеализированных» образов русских святых — Бориса и Глеба, Сергия Радонежского, Серафима Саровского и других, но и в утверждении определённых социальных критериев на основе «Добротолубия» как главных институций древнерусского государства.

Таким образом, в становлении русско-христианской этики как главного содержания русского национального типа, можно выделить два основных плана: духовно-антропологический и духовно-социальный. Каждый из них доминировал в определённый исторический период, а также в так называемых «лиминальных» (переходных) социумах.

Проблема трансформирующихся обществ в разных аспектах и модернизационных фазах стала сегодня одной из ведущих тем научно-исследовательских проектов.

В различных культурологических и социально-антропологических исследованиях уже зафиксирован общепризнанный факт повышения

значимости проблемы национально-культурной идентичности именно в обществах переходного периода. Как представляется, применительно к условиям современной России, решение этой проблемы может осуществляться в контексте трёх сценарных разработок:

1. При всех возможных модернизационных изменениях сохраняется традиционная национально-культурная идентичность;
2. Модернизация предполагает радикальную трансформацию сложившейся структуры национально-культурной идентичности, воспринимаемой как препятствие на пути необходимых перемен;
3. Частичное изменение национально-культурной идентичности в соответствии с модернизационными задачами при сохранении её основного «ядра».

Для современной России наиболее предпочтительным является третий вариант, если учесть огромное цивилизационное значение русской культуры.

Происходящая в нашей стране вестернизация различных сфер социальной жизни актуализирует вопрос: «Какие исторически сложившиеся основы русской культуры можно считать неизменными при разработке самых различных модернизационных стратегий?»

Анализ культурологических, исторических, философских, социологических исследований российского общества, его прошлого и настоящего позволяет выделить в качестве главных сущностных характеристик национально-культурного своеобразия России, отличающих её, по крайней мере, от стран Западной Европы, традиционное стремление русского человека к социальной справедливости в сочетании с повышенной восприимчивостью к страданиям людей.

Необходимо отметить, что речь идёт в этом случае именно о **сочетании** этих стремлений, которое составляет главную особенность менталитета народов и этносов, идентифицирующих себя с русским суперэтносом. В сознании людей, идентифицирующих себя с российским социумом, эти два стремления неравнозначны.

Сострадательность, сочувствие к «униженным и оскорбленным» является традиционной доминантой мироощущения и мировосприятия русского человека. Тогда как стремление к социальной справедливости становится «вспомогательным механизмом» в деле оказания помощи как «ближним», так и «дальним». Можно предположить, что одной из главных причин многих неудач проводимых в России реформ является навязывание нашему обществу этих же стремлений («творцы» реформ не могли не учитывать эту доминанту в социальных установках жителей России), но в другой последовательности. Главным процессом была объявлена борьба за социальную справедливость (вспомним борьбу с чиновничьими привилегиями Б. Н. Ельцина, борьбу с засилием спецслужб и т.д.), а, собственно, «сострадательность», внимание к повседневным проблемам жизни людей рассматривалось как следствие реализации первой установки.

Такая смена акцентов в конечном счёте привела к «бездушным» социальным и политическим реформам во имя «светлого будущего» («шоковая терапия»), заменив их гуманистический пафос на заре «перестройки» институционализацией криминального сознания и утверждением «права сильного», т.е. «предприимчивых» индивидов, обладающих железной хваткой капиталистического хищника, достигающего своих целей, не обращая внимания на страдания и беды части населения, ставшей жертвой проводимых реформ. «Новые бедные» в соответствии с этой социальной логикой сами оказались виноватыми в своей бедности как «не вписавшиеся» в проводимые реформы (своего рода принцип «социальной справедливости» наизнанку).

В культурно-антропологическом контексте стремление к такому перекодированию общественного сознания привело к реальной угрозе потери главной национально-культурной особенности представителей российского суперэтноса — их «всемирной отзывчивости»⁸, о которой писал ещё Ф. М. Достоевский, с последующей ассимиляцией в мир Европы ценой потери

собственной национально-культурной идентичности. Достаточно в качестве иллюстрации привести заполнившие средства массовой информации, художественную литературу соответствующие сюжеты с героями, которые борются со злом исключительно с позиции силы, беспощадно уничтожая носителей несправедливости, без какой-либо человечности, умения прощать, воздействовать на социальную несправедливость построением встречного мира гуманизма, добра и красоты.

Возникла реальная задача реабилитации в массовом сознании жителей России установки на создание гуманистического социума, в котором отсутствует в качестве главного принцип социального поведения «цель оправдывает средства», а насилие и борьба за «социальную справедливость» важны в той мере, в какой они способствуют социальному благополучию большинства членов общества.

Решение этой задачи предполагает специально организованные усилия всех институциональных и внеинституциональных субъектов социальной и культурной политики по использованию имеющихся национально-культурных ресурсов по возрождению общественной атмосферы взаимопомощи (вместо «волчьей» конкуренции), отзывчивости (вместо зоологического индивидуализма и эгоизма), уважения к каждому члену общества независимо от социального положения и уровня дохода (вместо унижения и подавления личности «сильными мира сего»).

Необходимо, образно говоря, «одушевление» проводимых реформ и формирование соответствующего гражданского общества, в котором главной является не установка на борьбу с той или иной «несправедливостью» (в значительной мере политизированная, с привкусом «пиар-технологий»), а стремление помочь тем, кого можно признать социально неблагополучными и социально незащищенными членами общества.

В реализации этой стратегии особая роль может принадлежать отечественной художественной культуре (в первую очередь великой русской литературе), которая традиционно воплощала и формировала вышеназванную особенность национально-культурного менталитета

⁸ Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) / Достоевский Ф. М. Избранное. М., 2000. С. 90–116.

народов России — их отзывчивость и сострадательность как «скрепу» социальной самоорганизации и как фундамент национального самосознания («Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» — Ф. М. Достоевский).

В современном рационализированном и компьютеризированном социуме в этой связи особенно востребованными становятся такие отличительные потенциальные возможности художественной культуры, как «эмоциональный тренинг» при восприятии произведений литературы и искусства; развитие систем образного и синтетического (а не только схематического и аналитического) мышления, особого типа социальности, предполагающей стремление к служению ближнему; развитие навыков прогностичного социального мышления, способного предвидеть отрицательные социально-экологические последствия своих действий, тех или иных программ, планов, реформ для реальной жизни людей. Влияние русской художественной культуры на отечественную науку, философию и образование традиционно было огромным потому, что в основе её лежал «антропный» дискурс, суть которого заключалась в моделировании сугубо художественными средствами вариантов гуманизации социума через формирование соответствующих «внутренних готовностей», установок самой личности. Именно в совершенствовании, гуманизации самой природы человека лучшие отечественные художники, писатели, мыслители видели главное условие развития общества и решения его проблем, способствуя общему приращению «человековедческого» знания о «должном».

Сформировалась своего рода «социология духовной жизни», которая может быть представлена как экспликация дискурсов духовности в их социальной значимости для формирования национально-государственной идентичности.

Репрезентация дискурсов духовности на разных этапах истории России предполагает не только изучение её исторического, литературного и художественного наследия, но и выделение приоритетной духовной компоненты каждой эпохи, которая и определяла формирование российской государственности.

Такой «стержневой», безусловно признанной основой национально-культурной идентичности России стала русская религиозно-философская традиция как главная и определяющая стратегия формирования самобытной культуры. И она может быть представлена в социокультурном измерении в виде трансформации духовно-культурных дискурсов как в контексте социокультурной динамики с привнесением разных компонентов философского, художественно-эстетического, литературного, социального знания в разных социокультурных конфигурациях, так и в виде их синтеза, принципов системной устойчивости, равно как и условий распада в сложно организованной структуре.

Соответственно, выделение дискурсов духовности предполагает «отбор» того историко-культурологического содержания, которое было задано целеполаганием данного исследования — формированием *позитивной идентичности* российского социума, социокультурного опыта его бытия и самореализации. Это, в сущности, мировоззренческие «картины мира», которые динамично изменялись в культурно-историческом развитии, формируя особую ментальность, ядром которой является «русская духовность» не в качестве «продукта адаптации и рационализации» согласно европоцентристским прописям западноевропейских антропологов, но в качестве особого социокультурного кода, содержащего в себе нечто неуловимое, необъяснимое, нерационализируемое.

Учитывая всё вышеизложенное, представляется, что формирование ценностных параметров национально-культурной идентичности должно быть заложено, прежде всего, в разработке духовных ориентиров государственной культурной политики России.

Можно ли синтезировать понятия «духовность» и «политика»? Казалось бы, на первый взгляд, что это совершенно разные уровни представлений о социокультурной реальности: в первом случае — некая особая, почти сакральная сфера сознания, во втором — стратегическая целеориентация, определяющая возможность управления конкретными социокультурными процессами, нормируя, определяя и направляя их развитие.

В нашем контексте речь должна идти именно о формировании таких стратегических целей развития социальности и культуры, которые бы содержательно определяли цели и задачи развития модернизирующегося российского общества на основе *традиционной* культуры, которая является главным ресурсом модернизации, а отнюдь не её препятствием или тормозом.

Цели культурной политики сегодня — формирование национально-государственной идеологии и тех приоритетов развития культуры, которые создавали бы «позитивный образ» страны как великой державы. Соответственно, необходима новая концепция культурной политики, где основополагающими ориентирами становятся:

- духовно-нравственный «культуроцентризм» как парадигма социализации и инкультурации;
- структура и состав культурологического знания в формировании национально-государственной идентичности;
- духовно-нравственное воспитание российской молодёжи;
- освоение механизмов регуляции социокультурных взаимодействий (социальных норм, ценностей, паттернов поведения и деятельности) в направлении указанных параметров формирования позитивной идентичности;
- изучение символической организации культуры России на разных этапах её исторического развития (идеи, образы, представления, социальные культурные коды, языки культуры разных этносов, сообществ и т.д.);
- взаимодействия институциональных структур (федеральных, региональных, локальных) как изменяющийся в каждый конкретно-исторический период набор регуляторов какой-либо сферы культуры, искусства, фондов наследия, образования, воспитания;
- разработка программ и программных технологий с позиций духовно-нравственного культуроцентризма;
- общепрофессиональная подготовка, а также способность квалифицировать и

диагностировать современные социальные проблемы с позиций сохранения научно обоснованной позитивной идентичности;

- овладение методами прогнозирования и проектирования социальных процессов в контексте духовно-культурной позитивной идентичности;
- воспитание толерантности и межкультурного общения, умения вести культурный диалог в поликультурном и поликонфессиональном пространстве современной России;
- овладение знанием контентов конфессиональных идентичностей, религиозных взаимодействий (конфессиональной идентичности) как формы социальных взаимодействий для предотвращения межрелигиозных конфликтов;
- выявление генезиса русской культуры, её истории, традиций, этапов;
- определение роли художественной культуры в сохранении национально-культурной идентичности.

Использование достижений русской художественной культуры как ресурса сохранения и формирования национально-культурной идентичности народов России представляется особенно перспективным в системе существующего среднего и высшего образования. Можно назвать основные пути такого использования:

- усиление художественно-эстетического компонента преподаваемых учебных (особенно гуманитарных) дисциплин;
- формирование развёрнутой системы дополнительного образования в учебных заведениях независимо от их профиля на основе изучения и освоения художественной культуры;
- переориентация всего социально-гуманитарного образования в значительной мере на изучение «внутренней жизни» человека, его смысложизненных ориентиров на основе использования литературы и искусства как «учебника жизни».

НАСЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ В ЛИЦАХ

А. М. Шарипов,

кандидат исторических наук, член Союза писателей России,
сопредседатель Международного Ильинского комитета

Социальное государство или смерть нации: концептуальный анализ кризиса цивилизации в творчестве И. А. Ильина

*«Современный мировой кризис есть кризис
заглохшего сердца и восставшего праха»*

И. А. Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний (1943)

Доклад прочитан 8 апреля 2013 г. в Государственной Думе ФС РФ на заседании «Законодательное обеспечение социальной стратегии государства. Современность и научное наследие И. А. Ильина», приуроченном к 130-летию русского мыслителя. Автором рассматривается социальная доктрина современного государства через призму научного наследия доктора государственных наук И. А. Ильина. Экономические выкладки при разработке социальной доктрины являются лишь небольшой частью великой задачи формирования исторической перспективы нации и государства. В статье ставится проблема формирования структурированной социальной доктрины, объединяющей задачи непрерывного формирования социального государства и национальной культуры. При такой доктрине социальной стратегии государство, наряду с разработкой количественных факторов жизнеобеспечения нации, берёт на себя задачу активизации творческого потенциала нации, задачу духовно верного, высоко культурного национального воспитания. Здесь на первое место выходит проблема качества во всех сферах жизни — в экономической, культурной, духовной. Решение же проблемы качества невозможно без опоры на свободно-ответственную, ориентированную на высокие культурные образцы духовную личность, а это требует широкомасштабной программы воспитания культуры гражданского правосознания нации в целом. Так проявляется глубокая неразрывная связь социального государства — фактора защиты комфортного быта нации, с духовно-культурным фактором — катализатором исторической перспективы нации и государства. Без социально ориентированного государства нация вымирает, без национального творческого духа вырождается государство.

Современные разговоры о социальном государстве вовсе не новы: люди всегда стремились к естественному состоянию

благополучия. Другое дело, как понимать эти «благополучие» и «социальность», как понимать самоё государство. Если исходить из понимания благополучия как материальной обеспеченности, то это достаточно урезанное понимание сущности человека. Ведь как бы ни стремились некоторые идеологи принизить уровень человеческого бытия до материально-потребительских интересов, история показывает совершенно обратное: каждая эпоха имела в основе своего развития именно идеи. Римская империя жила и расширялась внутренней идеей созидания внешнего порядка — распространения цивилизации и законности на весь окружающий мир. Христианский Рим средневековья жил идеей распространения религиозной веры по всему миру. Идеей правоверия жил мусульманский Восток, поисками гармонии внутреннего и внешнего мира — буддийский мир. При этом в каждой нации всегда существовал ведущий культурный слой, который задавал определённый ритм жизни общества, указывая на идеалы и организуя справедливую общественную жизнь в той мере, в какой это было доступно для своего времени.

Только в XVIII в. идея гармонизации духовной и материальной сторон жизни отрывается от религиозных корней: Французская революция уводит политику от смысловых целей, духовных устремлений и акцентирует внимание на вопросах социально-экономического порядка. Вскоре оставшемуся без Неба человечеству была предложена под вывеской «научная» идеология марксизма. Если буржуазная идеология сохраняла вековые атрибуты нравственности и социальной благонадёжности, т. е. идеи семьи, честного труда, национального бытия, то марксизм вслед за религией отринул и семью, и нацию, и культуру. Марксизм стал воистину идеологией земного потребления без всякой оглядки на морально-нравственные ограничения. Причём в отличие от социал-демократической идеи свободного и честного труда, марксизм весь свой дискуссионный жар направляет на идею «справедливого распределения».

Отметим и такую немаловажную деталь: марксизм (наряду с анархизмом) отринул

национально-охранительную роль государства и обозначил государство «орудием насилия и эксплуатации». И эта идея отрицания государств — тесно связана с его отрицанием наций и религий. А ведь со времён Рима и до Гегеля государство было «шествием Бога на земле», орудием защиты его жителей от произвола, наций — от внешнего посягательства. Теперь идее национальной государственности был брошен вызов.

Как верно писал Ильин, «государства держатся правосознанием своих граждан и своих правителей»¹. В России же к началу XX в. противогосударственные идеи получили самое широкое распространение: вспомним пропаганду анархистов, толстовцев, левых социалистов. Антигосударственные пропаганда и терроризм нигилистов расшатывали национальное правосознание, в результате отказ народа видеть в собственном государстве защитника своих интересов привело к гибели вековой цивилизации.

Получается парадокс. Новое время возвеличило разум и стремилось дать схемы устройства справедливой земной жизни на рассудочно-рациональных основаниях, отрицая излишнюю чувственность и мистику. Почему же поставивший себя впереди всех чувств разум породил в XX в. чудовища революционных и империалистических войн с их многомиллионными кровавыми жертвами?

Философ права Ильин определил истоки социальных кризисов в сферах далёких от внешнематериальных. Революционное разложение государства, указывает учёный, — «лишь зрелые плоды или проявления уже состоявшегося внутреннего разложения», «духовного распада»². Для здорового существования государства, оно должно иметь в глазах его граждан значение единого и единственного компетентного источника права», и издаваемые им законы призваны формулировать естественную правоту в виде положительных норм³. Как «всякое искусство призвано создавать гармонию», так каждое государство призвано к

¹ Ильин И. А. О свободной лояльности // Ильин И. А. Собр. соч. Кн. I. М., 1993. Т. 2. С. 230.

² Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 177.

³ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 4. М., 1994. С. 297.

формированию «социальной гармонии»⁴. Но как произведение искусства имеет ценность не материальной стороной, но воспринимаемым воспитанным художественным вкусом образом, так и государственная форма и законы имеют ценность только тогда, когда их верно воспринимает здоровое гражданское правосознание. А правосознание это не столько элемент рационального осмысления, сколько явление культуры. Авторитет государства и созданных им законов, отмечает Ильин, есть «всенародное, исторически накапливающееся достояние», которое «слагается из поколения в поколение», которое «живёт в душах незримо, но определяющее». Именно такой живущий в душе авторитет государства и закона спасает государство от распада («призван служить орудием национального спасения»⁵).

Хотелось бы обратить внимание на это абсолютно нерационалистическое, антипозитивистское, я бы сказал, культурологическое понимание выдающимся правоведом права и правосознания, а также государства, и далее — общества и нации, и, в конечном смысле, человека.

Что есть государство — «органическое единение живых людей, одарённых честью, совестью и правосознанием, или бюрократическая машина?»⁶ Ильин никогда не отрицал внешние атрибуты государства: конечно, «государственное дело состоит в том, что власть указывает людям их права, обязанности и запретности, и понуждает их соблюдать указанное — не превышать своих прав, исполнять свои обязанности, не нарушать запретов. В этом заложены две идеи: идея права (свободного лица, законности и справедливости) и идея принуждения (угрозы, силы, суда и возмездия)⁷. И тем не менее «внешние проявления политической жизни совсем не составляют самую политическую жизнь; внешнее принуждение, меры подавления и расправы... совсем не определяют сущность государства». «Государство творится внутренно, душевно и

духовно; и государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, а совершается и протекает в их душе; её орудием, или органом является человеческое правосознание»⁸.

Да, «право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются через посредство правосознания»⁹. Видя в человеке самостоятельную духовную личность, Ильин и государство определяет как «некую духовную общину», «живое духовное единство», «единство культуры, власти и исторической судьбы»¹⁰. Учёный подчёркивает: «духовная солидарность граждан между собою составляет реальную основу государства и политики»¹¹. Потому он объединяет задачи строительства социального государства и национальной культуры, ибо «истинное государственное настроение души возникает из искреннего патриотизма»¹². Для Ильина по-прежнему, как века до этого, государство, наряду с хозяйственными и правовыми, имеет задачу национального воспитания — духовно верного, высококультурного.

Как объяснить некоторым современным политикам, потерявшим национальное чувство солидарности, а зачастую обычную человеческую любовь к своей культуре, эти простейшие истины духовной солидарности людей одной судьбы? Меня часто поражают чиновники, любящие называть себя «трудоголиками», но абсолютно потерявшими за политической суетнёй глубинный смысл своего бытия и не умеющие услышать красоту родного напева, не перечитывавшие со школьных лет гениальных Пушкина, Гоголя, Шолохова... Как они могут строить культурную страну, когда для них культурная политика ограничивается бюджетным финансированием рок-фестивалей и попсовых «евровидений»?

Ильин отмечает духовную природу основанного на национальной культуре патриотизма¹³.

⁴ Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. С. 177.

⁵ Ильин И. А. Основная задача грядущей России // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. I. С. 278.

⁶ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 256.

⁷ Ильин И. А. Яд большевизма // Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) [Т. 14]. М., 2001. С. 366.

⁸ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 234–235.

⁹ Там же. С. 234.

¹⁰ Там же. С. 252.

¹¹ Там же. С. 241, 245.

¹² Там же. С. 236.

¹³ Ильин И. А. Россия в русской поэзии // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 204–205.

Он пишет: «Сливая мою жизнь с жизнью моей родины, я испытываю дух моего народа как безусловное благо и безусловную силу, как некую Божию ткань на земле»¹⁴. Здесь проявляется удивительное явление любви к Отечеству: «В патристическом единении люди любят свой народ в его духовном своеобразии и верят в духовную силу и духовное творчество своего народа»¹⁵.

Ильин формулирует закон человеческой природы и культуры: «всё великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и всё гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада»¹⁶. Причём независимо от личной одарённости и социального положения, участником национального философского и метафизического дела, творцом национальной культуры становится каждый человек, «поскольку он в жизни своей ищет истинного знания, радуется художественной красоте, вынашивает душевную доброту, совершает подвиг мужества, бескорыстия или самопожертвования, молится Богу добра, растит в себе или в других ... политический смысл или даже просто борется со своими уничижающими дух слабостями»¹⁷. Во всенародном творении национальной культуры нет ни одного усилия, ни одного достижения, которое пропало бы даром, «драгоценно каждое личное состояние», «ибо всякое усовершенствование, всякое просветление в человеческой душевной ткани незаметно живёт и размножается и передаётся во все стороны, никогда не исчезая бесследно»¹⁸.

Иван Александрович Ильин отмечает также социальную и индивидуально-психологическую значимость национального: в национальном патристическом слиянии людей «незаметно преодолевается то душевное распыление (психический «атомизм»), в котором людям приходится жить на земле». Преодоление «атомизма» вовсе не лишает человека самостоятельности, он остаётся «монадой», но «возникает могучее творчес-

кое единение людей в обще и сообща творимом лоне — в национальной духовной культуре»¹⁹.

Только с точки зрения творчески осмысленной жизни можно понять убеждённость Ильина, что «государственная власть есть лишь средство и орудие, призванное служить некой высшей цели»²⁰. «Пролганное государство, построенное на насилии, страхе и притворстве — есть организованная порочность: оно подрывает и угашает всякое взаимное доверие; оно извращает и обессиливает личную совесть и честь; оно лишает человеческую жизнь её божественного смысла и её творческой свободы»²¹. Отсюда понятна критика русским мыслителем формальной демократии наравне с тоталитаризмом: «Свобода есть нечто для духа и ради духа... Вне духа и против духа она теряет свой смысл и своё священное значение. Оторвавшись от духа, она обращается против него и попирает его священное естество. Обратившись против него, она перестаёт быть свободой и становится произволом и всепопираем»²². При формальной демократии творческая личность растворяется в массе при отсутствии организующей роли ведущего культурного слоя нации. И потому при решении задач национально-государственного строительства Ильин на первое место выдвигает вопрос качества: «каждое государство призвано к отбору лучших людей» и «народ, которому такой отбор не удаётся, идёт навстречу смутам и бедствиям»²³. Да, правовое государство должно защищать свободу личности, но с какой целью? Нынешним политикам надо ясно понять, что внешняя свобода, о которой так много говорят либеральные политики, нужна человеку для того, чтобы стать духовным центром, чтобы приобрести внутреннюю свободу²⁴. Государство формальной демократии, не защищающее творческую жизнь нации от произвола и насилия, теряет свой смысл. Для современной России это очень большая проблема, к решению которой до сего дня не приступали.

¹⁹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 199.

²⁰ Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. С. 199.

²¹ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. С. 374.

²² Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 109.

²³ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 490.

²⁴ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 106.

¹⁴ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 197.

¹⁵ Там же. С. 192.

¹⁶ Там же. С. 200.

¹⁷ Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914–1923 // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. С. 58.

¹⁸ Ильин И. А. Религиозный смысл философии. С. 59.

Формальная государственная принадлежность, «не наполненная живой любовью гражданина к своей родине и к его народу», писал в прошлом веке великий русский патриот, приводит к появлению «целых слоёв мнимых граждан» — по национальным побуждениям (причисляя себя к другому народу), хозяйственным соображениям (заинтересованность в экономическом процветании иного государства), революционным мотивам (желание неудач своему государству). «Мнимые граждане» остаются чужды или враждебны государству, а то и его вредителями и предателями. При отсутствии солидарности нации как единой семьи с общими интересами, общей культурой и общей судьбой, разрастается «мера отсутствия правосознания, безнравственности, безразличия к родине, продажности и трусости», когда «государство не может более существовать,... оно оказывается не в состоянии поддерживать и ограждать культуру в мирное время, ни оборонять родину во время войны»²⁵.

Из этого должно быть предельно ясно, почему в социальной концепции Ильина так много внимания уделяется проблеме качества национальной культуры. Заполонившие властные структуры люди без национальной культуры не чувствуют себя связанными с «этой страной» и с «этим народом». Они видят в «этой стране» только полигон для реализации своих амбиций, потому они никогда не поймут непреходящую ценность и глубину такого явления как национальная солидарность и духовное родство сплочённого единой исторической судьбой народа. И из понятия «социальное государство» ими всегда будут вымываться смыслообразующие понятия национальной культурной жизни, придающей этой жизни творческий оптимизм и историческую перспективу.

Поэтому чисто экономические выкладки при разработке доктрины социального государства и социальной стратегии являются лишь небольшой частью великой задачи формирования перспективной стратегии творческой жизни нации и государства. Наряду с разработкой количественных факторов жизнеобеспечения нации, архиважно развивать государственную

программу реализации творческого потенциала российской нации. И тогда задачей российской цивилизации будет уже не формирование общества потребителей, а творческих личностей.

Преодоление того духовного кризиса, который ныне переживает человечество, не может быть достигнуто и не будет осуществлено одними «внешними» и «формальными» реформами. Дело не только в новых учреждениях и законах; дело в обновлении правосознания. Первое и последнее, решающее слово остаётся за самим духом... Только на этом пути можно верно и творчески обновить политическую и государственную жизнь²⁶.

Социальное государство видится Ильиным гораздо шире, чем секуляризированной доктриной либералов-позитивистов. Полноценное социальное государство представляет собою солидарное общество, решающее задачи гармонизации частных и общественных интересов, обеспечения качественного уровня жизни — в духовной, национально-культурной (творческой), социально-экономической сферах. И всё это замыкается на лояльном правосознании, воспитанном национальным правовым государством в своих гражданах, для которых это государство — не механическая надстройка, но справедливый регулятор общественной, духовной и культурной жизни. В концепции Ивана Александровича Ильина социальный фактор обеспечивает достойный уровень для полноценного развития национально-культурной сферы; национальный же фактор — стимулирует социальную активность и открывает перед обществом историческую перспективу, связывая её воедино с исторической ретроспективой. Социальное государство — фактор защиты комфортного национального бытия; национальный фактор — духовно-культурный катализатор исторической перспективы общества и государства. Социальное государство — защитная оболочка национального бытия; национальная культура — дух, определяющий смысл жизни социального организма. Без социально ориентированного государства нация вымирает, без национального творческого духа вырождается государство.

²⁵ Там же. С. 237, 238.

²⁶ Там же. С. 233–234.

А. Л. Доброхотов,
доктор философских наук, профессор

Жанр как символ. Мысли Вячеслава Иванова о Пушкине

Пушкин, несомненно, принадлежал к числу «вечных спутников» Вячеслава Иванова вместе с Данте, Гёте и Достоевским. И хотя написано о нём Ивановым не так уж много, труды эти содержат ключевые идеи «Вячеслава Великолепного»¹. Правда, это не всегда очевидно, и попытке выявить одну из таких идей в работе «Роман в стихах» посвящена эта статья. Изначально «Роман в стихах» был написанным по-итальянски предисловием к блестящему переводу Э. Ло Гатто «Евгения Онегина», изданному в 1937 г. В том же году «Роман в стихах» был написан по-русски для эмигрантских «Современных Записок» и объединён в номере с мемориальной речью «Два маяка» под рубрикой «О Пушкине». Иванов утверждает, что «Евгений Онегин» — с его особой структурой, артикуляцией на «главы», а не «песни», специально изобретённой новой строфой — есть новый род эпической поэзии, неоднократно обозначенный поэтом именно как роман в стихах. И хотя на поиски новой формы Пушкина навело изучение Байронова «Дон-Жуана», пушкинский жанр построен на другой духовной основе. «Над всем преобладали в нём прирождённая ясность мысли, ясность зора и благодатная сила разрешать, хотя бы ценою мук, каждый разлад в строй и из всего вызывать наружу скрытую во всём поэзию, как некоторую другую и высшую, потому что более живую жизнь»². Отметим это выявление «скрытой

поэзии», поскольку данная Ивановым характеристика пригодится для понимания сути созданного Пушкиным жанра. Ещё одна значимая характеристика фиксирует умение Пушкина находить середину между субъективным и объективным началами: «Его мерами в оценке жизни, как и искусства, были не отвлечённые построения и не самодержавный произвол своего я, но здравый смысл, простая человечность, добрый вкус, прирождённый и заботливо возделанный, органическое и как бы эллинское чувство меры и соответствия, в особенности же изумительная способность непосредственного и безошибочного различения во всём — правды от лжи, существенного от случайного, действительного от мнимого»³. Отмечая более или менее традиционные признаки романа, присутствующие в «Евгении Онегине» — эпическое повествование, широкий жизненный фон, развитие характеров — Иванов указывает на необычный эффект композиции, который он называет «чудом мастерства»: рассказчик, который по романной логике должен быть эпически объективным и отстранённым, у Пушкина позиционирован как своеобразный ярко очерченный субъект. Но «с тем больше свободой от рассказчика и полнотой своей самостоятельной, в себя погруженной жизни выступают лица и происшествия. И, быть может, именно эта мгновенная, трепетная непосредственность личных признаний, какой-то таинственной алхимией превращённая в уже сверхличное и сверхвременное золото недвижимой памяти, являет предка русской повествовательной словесности столь неуязвимо и обаятельно свежим, более свежим и молодым, чем некоторые поздние его потомки»⁴. У этой «трепетной непосредственности», которая сыграла роль неожиданного объективирующего контраста по отношению к субъективности изображённых моментов (гегельянец бы сказал — роль отрицания отрицания), есть и другая грань, отмеченная Ивановым. В финале статьи он заостряет наше внимание на теме скуки. Это, по мнению Иванова, некий сквозной мотив, проходящий через весь «роман». Данное

¹ Цельную картину вклада Иванова в пушкинистику даёт следующая работа: Шишкин А. Б. Материалы к теме «Вячеслав Иванов и пушкиноведение» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 780–807.

² Иванов В. И. Роман в стихах // Собрание сочинений. Брюссель, 1987. Т. IV. С. 326.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 328.

наблюдение тоже важно для нас, поскольку проливает свет на тайну жанра «Евгения Онегина». «В “Онегине” обличено “уныние” (*acidia*), оно же — “тоскующая лень”, “праздность унылая”, “скука”, “хандра” и — в основе всего — отчаяние духа в себе и в Боге. Что это состояние, человеком в себе терпимое и лелеемое, есть смертный грех, каким признает его Церковь, — явствует из романа с очевидностью: ведь оно доводит Евгения до Каинова дела»⁵. В «Двух маяках» (в статье — напомним — которая входит в парную композицию публикации «О Пушкине» и сообщает ей своего рода бифокальность), Иванов возвращается к этой теме уже в связи со «Сценой из Фауста». «Этот Фауст — как бы другой список с идеального лица, вызванного гением Гёте, и мы находим в его чертах новое выражение. Искатель жизни, достойной этого имени, мучим, как и Евгений, скукой; а его ненавистный спутник, с палаческою изощрённостью, утешает его доказательствами, что скука есть основное содержание и весь смысл бытия. [...] Скука, как общий закон живущего, означает общее летаргическое забвение смысла жизни, паралич духа и растрепанность плоти»⁶. Метафизическое значение скуки мы можем сопоставить с означенным выше эффектом «трепетной непосредственности» и обнаружить, что жанровая новация Пушкина позволяет построить художественный мир, в котором отдельные моменты (возможно, ничтожные сами по себе) скреплены переживанием и заинтересованным взглядом поэта, но отнюдь не созерцаются объективным взглядом повествователя (что свойственно нарративу социально-психологического романа XIX в.), не подводятся под некий общий идейный знаменатель, не складываются в какую-то доктринальную (пусть даже мозаичную) картину мира. Пушкинская идея поэта как «всемирного эха» получает в этом случае новую жанровую оболочку. Как убедительно показано нашими исследователями, Иванов не только реконструировал жанрово-эстетические принципы Пушкина, но

и в своём творчестве в ряде случаев дал образцы воплощения пушкинской поэтики⁷.

То, что Иванов наметил в своей статье лёгкими штрихами, но вполне определённо, стоит рассмотреть в контексте жанровых поисков пушкинской и околонушкинской эпох. Легко заметить, как богато жанровыми новациями это время. «Фауст» Гёте, «Дон Жуан» Байрона, «Мёртвые Души» Гоголя... Но как раз роман в традиционном смысле переживает очевидный кризис. Этот период, характерный поисками новой нарративной формы, является, как это ни парадоксально, паузой в истории романа, что отмечают многие историки литературы. 80–90-е гг. XVIII в., да и первое десятилетие XIX в. — это эпоха резкого торможения в эволюции романа, разочарования в старых его формах. Ведь роман должен был построить новую картину мира, но как раз это и не получилось. К тому же появились силы, которые неплохо строили картину мира и без литературы. Литература и религия *ex professo* были призваны к тому, чтобы рисовать картину мира, но в XVIII в. появились две новые силы: это наука, которая овладела литературным языком и стала осваивать жанр научно-популярных книг и поэм; и музыка, которая после появления новой техники и нового языка, дала аналог романа, т.е. большого повествования об эволюции некоторых эмоциональных состояний со своими сложными перепадами, с брошенным вызовом и полученным ответом и т.д. У романа появились мощные конкуренты: ведь такой раскованности, как у науки по одним причинам, и у музыки — по другим, у ранних форм романа не было. Может быть, главная проблема была в том, что роман рисующий

⁷ Грек А. Г. Пушкин в творчестве Вячеслава Иванова // Филологический сборник Луганского педагогического университета. Луганск, 1999; Грек А. Г. О пушкинских цитатах в стихотворении Вячеслава Иванова «Медный всадник» // Пушкин и поэтический язык XX в. М., 1999; Грек А. Г. Пушкинские звукообразы в «Медном всаднике» Вячеслава Иванова // Русская речь, 2001. № 3; Грек А. Г. Пушкинский «словарь» в поэме Вячеслава Иванова «Младенчество» // Авторская лексикография. М., 2013; Поэтика одного стихотворения: «У лукоморья дуб зелёный...» Вячеслава Иванова // Поэтика и эстетика слова. М., 2010; Павлова Л. В. Пушкин в мире Вячеслава Иванова // Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу. Смоленск, 1998; Павлова Л. В. Пушкин в поэтическом мире Вячеслава Иванова: Звуковая организация стиха // Русская классика: между архаикой и модерном. СПб., 2002.

⁵ Там же. С. 329.

⁶ Иванов В. И. Два маяка // Собрание сочинений. Брюссель, 1987. Т. IV. С. 338–339.

картину мира, должен был дать систему смыслов, нормативных действий, положительных образцов, которые дают успешный результат этих действий. Но с этим у романа и возникла как формальная, так и содержательная проблема. Сатира, любовь, переживания, приключения — это получалось хорошо, но возникал вопрос с положительным героем и позитивной картиной мира, который хорошо решали старые жанры (скажем, французский классицизм на театральной сцене или эпос древних культур, которые давали осмысленную позитивную художественную картину мира). У романа это не получается и поэтому начинаются поиски других жанров. Как раз тогда рождается лиро-эпическая поэма, которая побеждает роман в этом соревновании. Пример такой лиро-эпической поэмы — это поэмы Байрона: история души, и драматизированное изображение конфликтов мира. Но особенно важно, что в лиро-эпической поэме изображается не обширная среда, а вот некое концентрированное в себе Я и его конфликт. (Вячеслав Иванов посвящает анализу такого Я статью «О „Цыганах“ Пушкина»). Лиро-эпическая поэма даёт то, что не даёт роман, а именно — убедительный образ состоявшейся личности. Правда, оппоненты могли бы сказать, что это не положительные герои, а деструктивные личности (в случае с Байроном — какого-то сатанинского чекана). Но побеждает романтическая парадигма, для которой добро и зло — это устаревший дискурс, а сила, красота, мощь, способность пережить много разнообразных состояний — это главное. Важный признак состоявшегося жанра — это готовность людей строить свою жизнь по данному образцу. Но по образцу романа, скажем, Филдинга, по образцу романа Прево, в данную эпоху никто свою жизнь строить не хочет. А вот Байрон загипнотизировал всех своими героями. Чуть позже появляется французская романтическая повесть, изображение одиноких героев, которые переживают историю становления своей души, входят в бесплодный конфликт с миром, ломаются под натисками пошлой действительности и т.д. Очевидно, что это не романная модель, потому что роман должен показать тщательно изображённую жизненную среду;

в эту среду нужно встроить героя и провести линию его жизни, причём, — внутри сложной констелляции других; нужно прочертить авторскую позицию, потому что без авторского голоса роман не существует. Революционный поворот происходит в 1830 г.: в этом году выходит роман Стендаля «Красное и чёрное». Здесь, в этот момент, кристаллизуется роман XIX в. В этом же романе Стендаль в нескольких словах даёт свою теорию романа, выраженную в его знаменитом афоризме: «Роман — это зеркало, которое несёшь по большой дороге». Вот это и есть то, что должен делать роман, т.е. погрузиться в поток жизни и отстранённо, холодно фиксировать, как это всё устроено. Такие предикаты, как холодность и отстранённость, здесь являются ключевыми, они во многом будут определять некоторую линию литературы XIX в., линию Стендаля, Флобера, Чехова. Предикат холодности очень важен, потому что он даёт право художнику быть объективным, нейтральным. Именно холодный аналитик получает право отражать многообразную действительность. До этого жанрового поворота автор зачастую брал на себя роль античного хора. Эта точка объективного анализа событий была изобретена в античной драме, где, как все понимали, идеологическую оценку событиям давал хор⁸. Именно поэтому остальные могли быть предельно субъективными и даже — быть источниками зла или лжи, потому что объективная точка отсчёта уже существовала. Но, начиная с эпохи Ренессанса, абсолютное Я, которое выражает объективность, в литературе переживает кризис. Я авторское становится таким же произвольным (пусть даже — творчески произвольным), как и все остальные Я. Поэтому роман XIX в. начинает это «хоровое начало» реконструировать введением «авторского голоса». Но тогда возникают две крайности — или автор становится скучным резонёром, и тогда это неинтересно, или он тоже становится живым Я, но тогда он теряет право на объективность, на задание абсолютной точки отсчёта.

⁸ О переключке Пушкина и Иванова с античным идеалом объективности см.: Троицкий В. П. Пушкин и античность глазами Вячеслава Иванова // Пушкин и мир античности. М., 1999.

Стоит обратить внимание на интенсивную попытку создать концептуально новый жанр, предпринятую в 1797 г. Гёте и Шиллером⁹. Их теория «эпической поэмы» была направлена на сохранение эпической стихии романа и совмещении её с лирической стихией поэзии, терять какую-то Шиллер и Гёте не хотели, предчувствуя деструкцию идеалов, которую нёс с собой нарождающийся «реализм». Однако, эта теория так и осталась культурным проектом. Несмотря на то, что Гёте даёт несколько радикально новаторских жанровых образцов — «Фауст», «Западно-восточный диван», «Годы странствий Вильгельма Мейстера» — эпоха пошла по пути создания того типа романа, который мы, собственно, и связываем с XIX в. Вячеслав Иванов — духовный наследник Гёте — показывает, что жанровые открытия Пушкина, оказавшись у истоков русского романа, также по сути остались не востребованными и непонятыми, как и находки Гёте. Чтобы лучше понять пафос пушкинских статей Иванова — обманчиво простых на первый взгляд — надо поместить их в контекст его символистской концепции, выработанной в эпоху сотрудничества с журналами «Аполлон» и «Труды и дни» (1910–1916). В докладе «Заветы символизма» Иванов писал: «Внутренний канон» означает внутренний подвиг послушания, во имя того, чему поэт сказал «да» [...] Поэт найдёт в себе религию, если он найдёт в себе связь. И «связь» есть «обязанность». В терминах эстетики, связь свободного соподчинения значит: «большой стиль». Родовые, наследственные формы «большого стиля» в поэзии — эпопея, трагедия, мистерия: три формы одной трагической сущности. Если символическая трагедия окажется возможной, это будет значить, что «антитеза» преодолена: эпопея — отрицательное утверждение личности, чрез отречение от личного, и положительное — соборного начала; трагедия — её воскресение. Трагедия всегда реализм, всегда миф. Мистерия — упразднение символа, как подобия, и мифа, как отражённого, увенчание

и торжество чрез прохождение вратами смерти; мистерия — победа над смертью, положительное утверждение личности, её действия; восстановление символа, как воплощённой реальности, и мифа, как осуществлённого «Fiat» — «Да будет!...»¹⁰ Для оппонентов Иванова — Брюсова, Городецкого и Мережковского, ориентированных на французскую «стихию» символизма, — это выглядело покушением на свободу личного вдохновения поэта. Для гётеанца Иванова анархия вдохновения должна быть иерархически подчинена аристократической идее служения. Стоит обратить внимание на то, что диалектика символа, мифа и мистерии изображена Ивановым как развитие «большого стиля». Постулируя внутренний канон, он восстанавливает в правах и внешний канон, что также являлось совсем не тривиальным тезисом. В своё время идеологи Просвещения развязали войну против культуры рациональных канонов («риторической» культуры, как её привыкли сейчас называть) в пользу культуры аффектов, предполагающей непосредственное и искреннее самовыражение. В конце XIX в. маятник качнулся в обратную сторону: идея формы и канона вновь стала видеться (немногим первопроходцам) как условие творческой свободы. Иванов, с его перво-интуицией союза аполлинийского и дионисийского начал, решительно защищает канон, в котором он усматривает способ выявления «*ge-aliora*» в реальном. Поэтому он с чистой совестью отвергает обвинения в подчинении искусства религии. Он поясняет Городецкому: «Слово “религия” употребляется в статье в смысле внутренней связи, находимой художником в своей личности и символичной в мире своих символов, а не в смысле извне принятого культа; но и в объяснённом смысле религия принимается не как закон, сверху наложенный на творчество, а как имманентная искусству вообще, в символизме же ещё и определённо выявленная душа художественного творчества»¹¹.

⁹ См. об этом: Махов А. Е. Род литературный // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М., 2010. С. 391–397. Особенно — раздел «Шиллер и Гёте: снова эпос и драма?». С. 397.

¹⁰ Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. II. С. 601–602.

¹¹ Цит. по примечаниям Г. В. Обатнина к работе Вячеслава Иванова «Ответ на статью <Н. Брызгалова> “Символизм и фальсификация”. Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 170.

В статьях журнала «Труды и дни» Иванов эксплицирует эти идеи и доводит их до программных формулировок. Работа «Мысли о символизме» вместе с экскурсом «О секте и догмате» выстраивает аналогию истинного (т.е. не французско-декадентского) символизма с ортодоксальной верой и неистинного — с ересями, из коих две главные — ересь общественного утилитаризма (Мережковский) и ересь «искусства для искусства». Обе ереси суть отклонение от вертикали, связывающий Бога и Человека, уход к горизонтали, к плоскости поверхностного эстетизма и приземлённого утилитаризма. В чем же «истина правого эстетического исповедания»? В том, что символизм должен быть утверждён, «как принцип всякого истинного искусства»¹². Искусство, по Иванову, сбывается в случае отношения художественного объекта к двойному субъекту, творящему и воспринимающему; и поэтому от соучаствующего восприятия зависит, символическим ли станет произведение или нет. Символ (состоявшееся искусство) не отъединяет посвящённых от профанов, а соединяет творца и захваченную, преображённую им публику: «...символизм — не творческое действие только, но и творческое взаимодействие, не только художественная объективация творческого субъекта, но и творческая субъективация художественного объекта»¹³. Иванов подчёркивает именно те духовные силы символизма, которые роднят его с религией: способность создать тип личности, открытый излучениям абсолютного; способность преодолеть как наивную веру в самодостаточность земного мира, так и стремление убежать из него в «башню из слоновой кости». «Символизм связан с целостностью личности, как самого художника, так и переживающего художественное откровение. Очевидно, что символист-ремесленник немислим; немислим и символист-эстет»¹⁴.

В статье «Манера, лицо и стиль» идея внутреннего канона развёрнута в эстетическую доктрину, что позволяет с её точки зрения провести диагностику духовных недугов современности.

¹² Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. II. С. 613.

¹³ Там же. С. 610.

¹⁴ Там же. С. 609.

Иванов пользуется введённым Гёте различием между 1) простым подражанием природе; 2) манерой и 3) стилем. В манере проявляется индивидуальность творца, его личное восприятие явлений; в стиле познаётся объективное существо вещей. Стиль поднимает индивидуальность до точки зрения, доступной целому роду. Как положено в хорошей триаде, «3» является синтезом «1» и «2»: безлика имитация природы и субъективный произвол манеры возвышаются до единства в способности стиля индивидуально видеть всеобщее. В то же время «2» является творческой серединой между «1» и «3», обогащаясь их энергиями. Эту гётевскую концепцию Иванов существенно трансформирует. Он не принимает во внимание простое подражание природе, разбивая «2» и «3» на новую триаду. Первым шагом триады становится *манера*: нахождение собственного отличительного тона, внешнего своеобразия. Второй шаг это — обретение художественного *лица*. Здесь уже можно говорить о том, что художник нашёл себя и сказал своё слово в искусстве. Но далее начинает действовать таинственная динамика: «Между найденным образом творческого воплощения и принципом формы внутреннего слова порой вскрывается неожиданная противоположность: морфологический принцип художественного произрастания может вести организм к непонятной ему самому метаморфозе»¹⁵. Этот импульс может привести к разным исходам: к превращению манеры в маньеризм, разрыву с искусством, переходу в запредельные области, граничащие с безумием. Сила, спасающая художника в его поисках нового морфологического принципа — это *стиль*. Иванов подчёркивает, что обретение стиля даётся жертвой¹⁶. Для того чтобы найти лицо, нужно пожертвовать манерой; чтобы найти стиль необходимо, хотя бы отчасти, отказаться и от лица, поскольку стиль это — объективная и опосредствованная форма, которая достигается преодолением тождества между личностью и творцом. Но и попытка напрямую, минуя способность живого лица к самоограничению,

¹⁵ Там же. С. 617.

¹⁶ Здесь тоже можно усмотреть переключку с любимой гётевской идеей «отречения», т.е. жертвенного самоограничения художника в жизни и творчестве.

прорваться от манеры к стилю приводит к *стилизации*, так же как попытка остановиться на стадии манеры приводила к маньеризму. Достигнутый уровень *стиля* выводит художника в измерение объективного¹⁷ и нормативного: «Для художника, обладающего стилем, существуют две данности: внешнего восприятия и внутренней реакции на восприятие; сам же он, поскольку художник, чужд обеих и свободно располагает тою и другою, не отождествляясь с собственным субъективным я. Его деятельность становится нормальной, поскольку он, отвергаясь единоличного произвола и уединяющего своеначалия, свободно подчиняется объективному началу красоты, как общей категории человеческого единения, — и вместе впервые нормативною, поскольку то, что утверждается в его творчестве, вытекая из подчинения общей норме, приобретает характер объективной ценности»¹⁸. Но и это ещё не предел: своего рода энтелехией всего морфологического движения Иванов делает *большой стиль*, который «требует окончательной жертвы личности, целостной самоотдачи началу объективному и вселенскому или в чистой его идее (Данте), или в одной из служебных и подчинённых форм утверждения божественного всеединства (какова, напр., истинная народность)»¹⁹. Неспособность к большому стилю это — утверждает Иванов — болезнь нашего времени. Его удел — эстетический анархизм, эклектизм, становление без цели. Автор иллюстрирует этот диагноз блестящим и точным пассажем о современной музыке. То же, считает он, можно отнести к ближайшему родственнику музыки — к лирической поэзии. Но — с существенной оговоркой: слово по природе своей не может быть алогично, поэтому здесь болезнь века может проявляться только в скрытой форме. Мы не докажем наличие в лирике явного психологического анархизма и атомизма, но можно выявить в ней «лицемерие бездушного эклектизма», порождённое всё тем же отсутствием внутреннего принципа, *стиля*. «Чтобы избежать его, мы не знаем другого средства,

кроме подчинения внутренней личности единому, верховному, определяющему принципу. Это есть внутренний канон. [...] При этом — пусть хорошо заметит читатель — под религией понимается не какое-либо определённое содержание религиозных верований, но форма самоопределения личности в её отношении к миру и Богу»²⁰. Имплицированные в понятии *большого стиля* требования народности и соборности получают таким образом окончательную религиозную характеристику. Стоит также обратить внимание на опубликованный сравнительно недавно менее заметный, однако любопытный для понимания ивановской теории жанра и стиля документ, который можно отнести к 1913 г.²¹ Иванов попытался ответить на резкий выпад критика, обращённый, видимо, против Андрея Белого и обвиняющий некоторых авторов журнала в «штемпелёванной мистике», застывшей в рациональных схемах». Реагируя на требование Брызгалова сохранить свободу искусства, исключить из поэзии всё «догматическое», Иванов утверждает: «Вся история искусств учит нас, что искусство остаётся свободным как искусство, когда делается всецело *ancilla religionis*, и легко теряет свою свободу, когда художник ищет какой-то собственной религии, когда он хочет быть “свободным” глашатаем, *напр<имер>*, религии обществен<ного> равенства и братства, или морали; или других “идей”. [...] Тот, кто окончательно обрёл свою веру, или мирозерцание, свой закон, или подчинился всецело <?>, может не бояться за свободу своего искусства. Он будет постольку свободен, поскольку талантлив. Фидий не ищет своего божества, подобно Ксенофану или Анаксагору. Он находит описание Зевса у Гомера, вдохновляется им, как это было бы невозможно неверующему, и соединение гения с верой делает то чудо, что простой исполнитель заказа из Олимпия, он создаёт прототип Зевса равно для искусства и для религии. Это ли не свобода искусства? Это нечто большее, не-

¹⁷ Мы бы сегодня добавили: интерсубъективного.

¹⁸ Иванов В. И. Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. II. С. 617–618.

¹⁹ Там же. С. 618.

²⁰ Там же. С. 620.

²¹ Иванов В. И. Ответ на статью <Н. Брызгалова> «Символизм и фальсификация». Предисловие Г. В. Обатнина и К. Ю. Постоутенко. Публикация и комментарий Г. В. Обатнина // Новое литературное обозрение. 1994. № 10.

жели свобода: это его самодержавная власть»²². Далее автор несколько отвлекается от полемики и «обращается к друзьям» с «вполне назревшим» вопросом: уместается ли в символизме *символика*? Под символикой понимается «запас статич<еских> и как бы кристаллиз<ованных> символов, исторически связанных с известными величинами определ<ённой> догматической системы»²³. Вот его ответ: «Символика относится к свободному мистическ<ому> символизму, как священство к пророчеству. То и другое имеют дело с тайнами, но тогда как первое их хранит, другое надеется <?> овладеть ими; то глядит назад, это вперёд. Между ними не мыслимо только восполнитель<ное> соеди<нение>, но и желательно. Об этом свидетельствуют все великие произведения мистико-символ<ического> искусства»²⁴. Брызгалов призывает избегать профанации религиозных символов и разделить сферы искусства и веры. Иванов, как видим, стремится сохранить связку художественной и сакральной сферы, утверждая нераздельность формы и содержания. «Если церковь или данная доктрина> дают тем или иным художникам догматы и символику, даже, наконец, налагают на них начало догматико-символического авторитета, они могут сочетать эту символику со своим свободным символизмом, не изменяя <?> искусству. Всё дело в том, как они это сделают. И фальшь будет сказываться только в дурном худ<ожественном> выполнении, в неорганич<еском> слия<нии> формы и содержания. [...] Символика не есть фальсификация символа. Фальсификация символа есть его извращение. Фальсифи<кация> в символизме есть кощунство. Чёрная месса — максимум <?> символической фальсификации. Всякая же мертвенность худож<ественного> созда<ния> не есть фальсификация символа, а просто плохое искусство. [...] Оставим содержание в покое;

будем требовать одного: органич<еского> синтеза формы и содержания»²⁵.

Как практически воплотились эти идеи в «Евгении Онегине» хорошо показал духовно близкий Вячеславу Иванову С. С. Аверинцев. О гармонии формы и содержании ёмко сказано в его статье «Ритм как теодицея», которая вся посвящена рассказу о том, каким образом непосредственное содержание произведения дополняется явно и неявно (в том числе суггестивно) его формально-эстетическими сообщениями: «“Форма” контрапунктически спорит с “содержанием”, даёт ему противовес, в самом своём принципе содержательный; ибо “содержание” — это каждый раз человеческая жизнь, а “форма” — напоминание обо “всём”, об “универсуме”, о “Божьем мире”; “содержание” — это человеческий голос, а “форма” — наличный органичный фон для этого голоса, “музыка сфер”». В качестве примера Аверинцев приводит строфику «Евгения Онегина»: «Содержание той или иной строфы “Евгения Онегина” говорит о бессмысленности жизни героев и через это — о бессмысленности жизни автора, то есть каждый раз о своём, о частном; но архитектоника онегинской строфы говорит о целом, внушая убедительнее любого Гегеля, что *das Wahre* — это *das Ganze*»²⁶.

Мы видим, что идея «внутреннего канона», также как гётеанская модель «эпической поэмы», нашли своё применение и в анализе «романа в стихах», предпринятом великим символистом. Сам жанр, открытый Пушкиным, трактуется Ивановым как цельный символ мироустройства, сверенный с «внутренним канонам». Вячеслав Иванов показывает, что в этой поэтической форме Пушкину удалось дать новый образ универсума как незамкнутой хаотически-живой системы, гармонический смысл которой выявляется в «поэтическом эхе».

²² Там же. С. 167.

²³ Там же. С. 168.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Аверинцев С. С. Ритм как теодицея // Собрание сочинений. Связь времен. Киев, 2005. С. 410.

СЛАВЯНСКИЙ МИР

*И. К. Кучмаева,
доктор философских наук, профессор*

Единение славян как консолидирующий фактор в борьбе против османского ига (к 135-летию Освобождения Болгарии)

Вопрос о единении славян в борьбе против ига османских завоевателей своими корнями уходит в Средневековье. Но великим творческим актом эта борьба становится тогда, когда объединёнными усилиями народов в 70-е гг. XIX в. одерживается победа, открывшая дорогу к беспрепятственному национальному развитию стран Балканского полуострова.

Однако прежде чем эта победа смогла стать явью, было соткано множество промежуточных звеньев. Достаточно вспомнить многогранную деятельность Паисия Хилендарского, Софрония Врачанского, Василя Априлова, Неофита Рильского, Петко Славейкова, Георгия Раковского, Любена Каравелова, Христо Ботева и многих других.

В ряду организаций, оставивших заметный след в борьбе за освобождение Балкан, можно отметить деятельность Славянского благотворительного комитета в Москве, первым председателем которого стал попечитель Московского учебного округа князь А. Н. Бахметев, а учёным секретарём — выдающийся историк-славист, профессор, член-корреспондент Российской академии наук Н. А. Попов. В первое пятилетие своей работы (с 1858 по 1862 г.) Комитет ставил перед собой три конкретные цели:

- доставлять южным славянам денежные средства для восстановления разрушенных или угнетаемых турками церквей, училищ и других полезных учреждений, таких, например, как Общество болгарской письменности или народные читальни;
- помогать южным славянам книгами, церковной утварью, всем, что может способствовать поддержанию православия;
- оказывать всю необходимую помощь тем молодым славянам, которые приезжают в Москву для получения образования¹.

¹ Попов Н. А. Из истории Славянского благотворительного комитета Москвы. М., 1872. С. 3.

Члены Комитета внимательно изучали ситуацию на Балканах, высоко оценивали содержание книг, издававшихся в серии «Болгарские книжицы» для просвещения народа под редакцией доктора филологических наук Дмитрия Степановича Мутьева (болгарина по происхождению из окрестностей Пловдива). Трудно переоценить эту работу, особенно если учесть, что в те годы, как сообщали в Москву в депешах болгары, на Балканах активно действовали агенты 12 европейских обществ иезуитов, стремившихся оторвать народ от его православной веры. Однако, как подчёркивается в Отчёте Комитета, из пятисотлетнего ига Болгария вынесла свежесть любви к своей нации. Сила эта живёт в речи славянской, которая спасла в Болгарии православие; и ещё более в самом православии, которое сохранило болгарам славянскую речь, выразившую впервые письменные труды святых Кирилла и Мефодия².

Размышляя над ситуацией в Болгарии, Комитет принял решение направить туда своих представителей для определения совместной позиции. В этом отношении наибольший интерес, как полагали руководители Московского Комитета, представляет мнение насельников древнего Рильского монастыря, который в те годы считался твердыней охраны православия в Болгарии, являя собой пример почти единственного независимого славянского монастыря.

Посланец из России отправился в Рильский монастырь с запиской от Комитета, в которой было задано много вопросов, важных для понимания реальной ситуации: насколько серьёзно движение в пользу унии; какова мера постепенного упадка уважения к церковно-славянской грамотности в училищах; есть ли у монастыря достаточное количество педагогов и на каких условиях могут быть востребованы учителя из Москвы; думает ли руководство Рильского монастыря об учреждении своего подворья в Москве и т.д.³

Первые ответы от своего посланца Комитет получил в феврале 1859 г. Прежде всего он сообщил о невероятном гостеприимстве болгар по

отношению к русскому путнику, доходящем до торжественной встречи; рассказал об огромной радости болгар слышать славянскую речь в церкви и училище. Посланец писал далее, что народ поёт родные, но печальные песни. Они скорбят, что повсюду служат ксёндзы, в училищах звучит латынь. Представитель Комитета взволнованно пишет: нужно, чтобы славянский вопрос в России «стал наряду с хорошей утренней молитвой, с честной торговой сделкой»⁴. Он обратился к болгарским общинам с вопросом, в чём особо необходима помощь русских, чтобы заменить услуги, предлагаемые римскими пропагандистами. От разных общин были немедленно получены запросы. Закипела работа. Министры России и сам Государь были удовлетворены характером работы, проводимой Славянским благотворительным комитетом⁵.

Многое изменилось с того момента, когда училищами в Болгарии начал управлять главный учитель Савва Филаретов, который закончил Московский университет. Он обосновал необходимость изучать в училищах в качестве первого языка болгарский, а в качестве второго — русский язык⁶.

Русские откликнулись на просьбы о денежной помощи для достройки собора св. Стефана, для приобретения богослужебных и учебных книг.

«Обращаясь к Славянскому благотворительному комитету с покорнейшей просьбой, — сообщалось в одном из благодарственных писем болгар, — мы ласкаем себя надеждой, что славяне поймут славян по-славянски и удостоят своих южных братьев ободряющим участием»⁷.

В другом письме болгары, выражая благодарность Председателю Комитета А. Н. Бахметеву за помощь в организации обучения болгар в России, называли князя Бахметева «человеком драгоценным» для Болгарии⁸.

В эти годы много внимания приходилось уделять сложным конфликтным вопросам отношений между болгарскими и греками; особенностям

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Там же. С. 48.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. С. 50.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 24.

создания различных славянских организаций, таких, например, как «Общество для воспомоществования южным славянам». Особое внимание привлекла к себе созданная московскими болгарскими, так называемая «болгарская дружина», которая начала публиковать книги, подготавливать приезжающих в Москву болгар к поступлению в гимназии или университет, снабжать их необходимой литературой и средствами к жизни, приглашать в библиотеку, созданную в Москве специально для всех болгар⁹.

Эти и множество других совместных видов деятельности славян вызвали освидетельствование турок, что приближало дни решительных битв.

Это были годы глубокого осознания славянской этнической и православной общности, что стимулировало становление славяноведения к середине XIX в. в качестве самостоятельной научной отрасли, изучающей общеславянскую проблематику. И если учёные-слависты XIX в. справедливо констатировали, что на ряде этапов исторического развития трудно говорить о проявлениях славянской общности, то к 70-м гг. этого века наличие такой реальной общности было очевидным.

Огромная работа, проводившаяся в течение нескольких веков на Балканах и в России, ко второй половине XIX в. создала солидный фундамент, который позволил в конце 70-х гг. начать крупномасштабные действия.

Войну 1877–1878 гг. народ русский понял как принципиальный шаг к обновлению, как акт покаяния и участия в святом деле. Как только прозвучало царское слово о начале войны, пишет Ф. М. Достоевский, народ хлынул в церкви, где происходило нечто невиданное: «Когда читали царский манифест, народ крестился, и все поздравляли друг друга с войной»¹⁰. Манифест был подписан 12 апреля 1877 г. и встречен Россией с восторгом как начало освобождения единоверных славян. За два дня до объявления войны Александр II на смотре 5 пехотной дивизии обратился к офицерам со словами: «Мне жаль было пускать вас в дело и потому Я медлил, доколе было возможно». В Манифесте говорилось,

поскольку Порты отказалась выполнить требования России, остаётся лишь военный путь решения вопроса.

«Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска Наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции». В ответ на слова Манифеста офицеры и миряне бросались к Александру II и кричали: «Ура! За братьев! За святое дело! За веру Христову! За свободу славян!»¹¹ Все жертвовали на оборудование госпиталей, на помощь раненым, будущим сиротам и вдовам.

Зачем России столько усилий для решения Восточного вопроса, вопрошал тогда Достоевский. И отвечал: «для того, чтоб жить высшей жизнью, великой жизнью, светить миру великой бескорыстной и чистой идеей», служить славянам, не требуя благодарности, содействуя их нравственному воссоединению. И тогда только, полагал писатель, «скажет всеславянство своё новое цельное слово человечеству»¹².

Значительную лепту в победу над турками в этой войне внёс знаменитый лейб-гвардии Финляндский полк. Как отмечается в юбилейном издании 1906 г., посвящённом столетию полка, война 1877–1878 гг. есть акт величайшего самопожертвования, вызванный беззаветной любовью к ближнему, стремлением уничтожить рабство братьев-славян¹³.

Как отмечалось во всех источниках, мобилизация полка перед выходом на театр военных действий прошла при полном спокойствии духа и высоком нравственном состоянии всех воинов. В значительной мере это было обусловлено позицией командира полка генерала Лаврова, всегда отличавшегося особой выдержкой, равновесием духа в критические моменты.

Молебн перед началом похода служил полковой священник протоиерей Косович-Динаровский, который сказал напутственное слово и благословил родной полк в поход иконами св. Спиридона Тримифунтского — от августейшего шефа полка Великого князя Константина Николаевича и Спаса Нерукотворного — от себя.

¹¹ Гулевич С. История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб., 1906. Ч. III. С. 197–200.

¹² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 81–82.

¹³ Гулевич С. История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб., 1906. Ч. III. С. 198.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. М., 1983. Т. 25. С. 94.

В полку было более 3 тыс. человек: 1 генерал, 3 штабс-офицера, 53 обер-офицера, 4 врача, 444 унтер-офицера и 117 музыкантов.

Поезд увозил полк к Дунаю. Русские города, мимо которых проходил поезд, днём и ночью встречали и провожали Финляндский полк. Так, в 2 часа ночи всё население Тулы и глава города с хлебом и солью стояли на перроне, солдатам предлагали чай, продукты, сигары. Поезд тронулся. Стук колес потонул в громком «ура» жителей Тулы, а вся платформа озарилась светом бенгальских огней.

В Орле полк встречала супруга командира генерал-майора Василия Николаевича Лаврова. Один из офицеров полка вспоминал: «Добрейшая и милейшая Мария Александровна навезла нам, офицерам, из своего имения разного угощения в виде жаркого, пирогов, вина и фруктов, а солдаты получили по чарке водки»¹⁴.

В состав Финляндского полка входил Финский гвардейский батальон, участники которого оставили свои воспоминания, переведённые на болгарский язык в Софии в 1978 г. Один из них вспоминает отклик фронтовой газеты на поведение финнов во время переправы через Дунай: «Эти ребята были в пути четыре недели, но длинная утомительная дорога не сломила их бодрость и мужество. Они маршируют весело, с особенным восторгом. Их певцы и музыканты шагают впереди всех. Бросается в глаза, что эти невысокие ростом, хорошо сложенные светловолосые люди с приветливыми, умными лицами только вступают в самые лучшие годы своей молодости. Язык, на котором они говорят, необычайно звучен и песни их также мелодичны, живы, хотя и немного печальны...»

Мощным «ура» встречают их на болгарском берегу. Они и сами радуются. И офицеры, и солдаты поздравляют друг друга с успешной переправой через Дунай. Затем они стройными рядами маршируют к с. Горна Студена, где уже расположен Преображенский полк и откуда они направляются на поле боя. «Мне было ясно, — пишет далее корреспондент военной газеты, — что эти молодые, здоровые и красивые ребята, которые шагают

сейчас так уверенно по пути самопожертвования, совсем не боятся смерти»¹⁵.

Сложные условия быта и питания не отражались на состоянии духа бойцов. Порядок в полку всё время был образцовый. Казалось, что первые встречи с тяжелоранеными воинами могли пробудить в солдатах чувство самосохранения. В реальности же происходило совсем иное — офицеры и солдаты полка боялись прийти слишком поздно.

Накануне полного окружения Плевенской армии генерал Гурко обратился к нижним чинам: «Помните, ребята, что вы — гвардия русского царя и что на вас смотрит весь крещёный мир... Нашего “Ура!” враг не выносит»¹⁶. Но перед сражением под Плевной предстояло ещё взять Горный Дубняк. Эту задачу Финляндский полк выполнил блестяще, но какой ценой! Перед штурмом тревожную и полную тяжелых предчувствий ночь провёл генерал Лавров. В эту ночь он писал последнее письмо любимой жене.

На следующий день во время жестокого боя наступил критический момент. Генерал Лавров знал, что бывают минуты когда командир полка должен доказать, что он первый его солдат, его живое знамя. Такой момент наступил. Генерал Лавров сам повёл полк в атаку и погиб. Полк на смерть командира ответил шквалом огня и победил¹⁷.

12 октября 1877 г. Государь приехал благодарить финляндцев за эту трудную и столь необходимую победу.

Следует специально подчеркнуть, что в дни горячих сражений Финляндскому полку активно помогали не только болгарские мужчины и женщины, но и дети. Как вспоминает один из финнов, участников военных событий, болгарские дети носили воду бойцам на передовые позиции и старались оказывать любую помощь. Воду приходилось носить издалека, по неудобной, крутой тропе, брать её в том же самом месте, куда постоянно приходили турецкие постовые. И несмотря на огромную опасность, дети всё же добывали воду. Однажды ведро с водой, которое уже почти принес болгарский мальчик,

¹⁵ Финляндски дневници и мемоари от 1877–1878 г. София, 1978. С. 30.

¹⁶ Гулевич С. Указ. соч. С. 233.

¹⁷ Там же. С. 258.

¹⁴ Там же. С. 215.

разорвало шрапнелью. Парнишка горько рас-плакался¹⁸.

Единство всех сражавшихся против османского ига укреплялось, подчеркнём это ещё раз, беспримерным мужеством командиров. Хорошо известно, что в дни русско-турецкой войны генерал Скобелев поражал всех своей отвагой и, презирая опасность, появлялся в самые критические минуты боя среди солдат обязательно на белом коне и в белом мундире.

В результате ожесточенных сражений и трудного перехода через Балканы Финляндский полк лишился сапог и обмундирования. На лохмотья, оставшиеся от одежды, воины нашивали заплаты из мешков, тряпок, попон. Очевидцы событий не знали, чему больше удивляться — храбрости воинов или их терпению в борьбе с горами, морозами и глубокими снегами. Без регулярного питания, в промёрзшей одежде, в состоянии полной антисанитарии солдаты стойко переносили эти бытовые, повседневные страдания, говоря друг другу: «кабы за что другое воевали, а то, брат, за религию воюем»¹⁹.

Более шести месяцев Александр II был среди действующей армии, высоко оценивая победы славян, объединивших свои усилия. 29 ноября Осман-Паша сдал Плевну.

«4 января 1878 г., — вспоминает участник финского батальона Финляндского полка, — мы шагали за армией генерала Гурко под звуки духовой музыки с развевающимися знаменами нашего батальона к Софии, откуда доносился молитвенно-благодарный звон церковных колоколов.

Перед входом в город нас встретило шествие Софийских граждан во главе со священником. Они встречали нас хлебом и солью. Лица их были озарены, взволнованны, а те, кто постарше, крестились и плакали от радости. Это трудно передать словами! Ясно было — эти люди хорошо понимают, что для них значит изгнание турок. Каждый старался подать нам руку, поприветствовать, что ещё больше нас разволновало и растрогало»²⁰.

19 февраля в Сан-Стефано был подписан мирный договор. Когда главнокомандующий выехал к войскам и сказал: «Поздравляю вас, ребята: Бог благословил нас миром», в воздухе всё застонало и задрожало от криков «ура». Телеграфируя Государю, главнокомандующий подчеркнул: «...Имею счастье поздравить Ваше Величество с подписанием мира. Господь сподобил нам, Государь, окончить предпринятое Вами великое, святое дело. В день освобождения крестьян Вы освободили христиан из-под ига мусульманского»²¹.

В приказе главнокомандующего, изданном в связи с подписанием мира, была специально проакцентирована следующая мысль: «...Но не возгордимся мы. Что значили бы наши силы, наши жертвы, если бы не помощь Всевышнего. В нашем святом деле десницею своею Он вёл, Он хранил нас. Его-то мощной силе отнесём успехи наши и скажем: не нам, не нам, а имени Твоему»²².

16 августа 1878 г. суда, перевозившие Финляндский полк, пристали к русскому берегу возле г. Николаева. На царском пароходе «Ливадия» из Одессы приветствовать полк прибыл будущий император России Николай II.

А к моменту встречи Финляндского полка в Петербург к Триумфальным воротам прибыл наследник-цесаревич, будущий император Александр III с цесаревной Марией Фёдоровной и Великой княгиней Александрой Иосифовной — супругой Августейшего шефа полка Великого князя Константина Николаевича и другие официальные лица.

Их Императорские Высочества украсили знамена полка лавровыми венками. Депутация города поднесла полку адрес. По ходу движения полк благословляли иконами, дети пели «Народный гимн» и «Многая лета», воинов из окон осыпали цветами и букетами. Дамы надевали на офицеров и солдат лавровые венки, украшали штыки цветами.

Особая встреча ожидала Финляндский полк на Васильевском острове, где он размещался в течение 80 лет. Все дома острова были украшены флагами и коврами. Возле здания Морского

¹⁸ Финляндски дневници... С. 42–43.

¹⁹ Гулевич С. Указ. соч. С. 305.

²⁰ Финляндски дневници... С. 46–47.

²¹ Гулевич С. Указ. соч. С. 360.

²² Гулевич С. Указ. соч. С. 362.

училища на средства Василеостровского общества была построена изящная часовня, возле которой полк встречал причт церкви Морского училища, депутаты от Василеостровского общества с хоругвями, где на синем фоне золотыми литерами был изображён Горный Дубняк и другие места сражений полка.

Огромное внимание Василеостровское общество, а также супруга Августейшего шефа Финляндского полка Великая княгиня Александра Иосифовна и дочь шефа, Королева Греческая Ольга Константиновна уделяли заботе о раненых солдатах и офицерах. Великая княгиня создала офицерский госпиталь в Петербурге, экипировав его с помощью греческой королевы всем необходимым и создав в нём добрую, родственную обстановку для офицеров полка. Она постоянно присылала раненым подарки, фрукты, папиросы. А по выздоровлении благословляла каждого малым шейным образком, снабжала тёплой одеждой, обеспечила всех билетом Красного креста для бесплатного проезда по железной дороге.

23 апреля 1878 г. в день тезоименитства Великой княгини все поправившиеся офицеры полка собрались в церкви Мраморного дворца. Александр II специально надел мундир Финляндского полка, чтобы вместе с присутствующими офицерами выразить благодарность Августейшей попечительнице раненых.

В свою очередь жители Васильевского острова собрали солидный капитал. В память участия Финляндского полка в войне 1877–1878 гг. было принято решение, что проценты от капитала пойдут на пособия сиротам и вдовам низших чинов полка, а также на стипендии сиротам в школе солдатских детей полка.

Победоносно закончившаяся война способствовала единению православных славян, их избавлению от османского, мусульманского варварства и западного еретичества, о чём так много и страстно писал Ф. М. Достоевский. Он подчёркивал, что война эта вовсе не вековечный звериный инстинкт неразумных наций, но

«первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить»²³.

История свидетельствует, что лишь тогда и те государства одерживали победу в борьбе против умонепостигаемого бытия людей под гнётом захватчиков, когда учитывалась главная мировоззренческая составляющая повседневной жизни народа, главные ценностные доминанты, цементирующие духовные и культурные устои нации. Только тогда возникало ощущение личностной причастности каждого к великой битве. Понимание этого обстоятельства чрезвычайно важно не только для истории и атрибуции качества совершенного в те годы общеславянского подвига. Поскольку жизнь человека не прекращается с его физической смертью, а земля Балкан обильно полита славянской кровью, возникает потребность поиска дополнительных сведений об этих великих людях и событиях. Большую работу в этом направлении проводят различные славистические организации мира, Росзарубежцентр, учёные Болгарии, Сербии, России, Финляндии, общественные организации, такие, как фонд «Славяне» в Болгарии, в содружестве с которым Государственная академия славянской культуры уже не первый год занимается реальным возрождением памятников истории и культуры. В год 135-летия великого всеславянского торжества необходимо отметить, что мы совместными усилиями сумели вернуть к жизни несколько православных храмов на Балканах, возле которых погибали, но стояли на смерть за Болгарию, за славян, за православие наши мужественные предки. Совершая там панихиду о павших героях, мы припоминаем слова из приказа генерала Гурко:

«Пройдут годы, и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: “Здесь прошли русские войска и воскресили славу Суворовских и Румянцевских чудо-богатырей”»²⁴.

²³ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 25. С. 100.

²⁴ Гулевич С. Указ. соч. С. 323.

Ю. Г. Кучмаева, кандидат культурологии

«Свобода или смерть!»

В 2013 г. славянский мир празднует 135-летие Освобождения Болгарии от пятисотлетнего османского ига, что стало возможным в результате успешного завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В данной статье мне хотелось бы частично осветить событие, предшествующее освободительной войне — Апрельское восстание 1876 г. Событие сколь трагическое (восстание было жестоко подавлено), столь же и славное, значимое для Болгарии, а также для всего христианского мира. Оно породило не только множество народных героев, но и целый сонм новых мучеников¹ за веру Христову. Пламенное сопротивление болгар и зверства турок по отношению как к повстанцам, так и к мирному населению во время подавления Апрельского восстания потрясли всё европейское сообщество и, конечно же, русских братьев-славян, явившись одним из поводов к началу русско-турецкой войны.

Здесь не могу не упомянуть, что мой прапрадед Диамид Буланов участвовал в освободительной войне и, более того, полюбил болгарскую девушку, женился на ней, а после войны увез в Россию. Поэтому для меня и апрельские события 1876 г. и освободительная война — часть истории рода.

Во время путешествий по Болгарии, я не раз посещала места славы русско-болгарского оружия, а также места памяти, связанные с освободительным движением 1876 г. Среди них мне особо дороги города Копривштица, где вспыхнуло Апрельское восстание под предводительством Георгия Бенковского (там находится его дом-музей), и Панагюриште — город, где

родилась Райна Попгеоргиева, ставшая для болгар символом свободы. О её биографии и участии в Апрельском восстании хотелось бы рассказать поподробнее, поскольку судьба Райны Попгеоргиевой — судьба человека, прошедшего все испытания своего времени, но не сломленного ими; человека, сыгравшего значимую роль в истории родной страны, выжившего, вкусившего выстраданную свободу и прожившего после освобождения Болгарии ещё довольно долгую жизнь в трудах, не кичась своими заслугами.

Райна Попгеоргиева Футекова² — дочь священника, родилась в 1856 г. С раннего детства она отличалась любознательностью и особым талантом к учёбе. Учителя не могли нарадоваться её успехам. С похвальной грамотой закончила она женскую школу в г. Железник (Стара Загора) и вернулась в родное Панагюриште, чтобы самой стать учительницей. Ведь в годы, предшествующие освобождению Болгарии, народное образование имело особое значение. Народ, несколько веков находившийся под игом, теперь поднимал голову, вспоминая великое историческое прошлое своей страны, осознавая значимость родной культуры и традиций, ощущая потребность противостоять поработителям.

Райна активно участвовала в общественной жизни города, являлась редкостной мастерицей-рукодельницей, отличалась трудолюбием, хорошим воспитанием. Можно сказать без сомнения, что она обладала тем редким качеством, которое называют харизмой. Ею восхищались, её словам внимали. Вероятно поэтому при подготовке Апрельского восстания Георгий Бенковский возложил на девушку задачу выйти повстанческое знамя с призывом «Свобода или смерть!», а затем велел Райне верхом на статном коне со знаменем в руках объехать Панагюриште, воодушевляя народ на борьбу с поработителями. Болгары прозвали её тогда Райной Княгиней. 22 апреля 1876 г. и стар и млад — все вышли на улицы города, ликовали, провозглашая (пусть кратковременную пока) свободу, пели гимны, устилали путь Райны цветами.

Недолго длилось ликование. Последовали кровопролитные сражения малочисленных

¹ Во время подавления восстания погибло по разным данным от 30 до 50 тыс. болгар, уничтожены и разорены сотни мирных поселений. В апреле 2011 г. согласно решению Святого Синода Болгарской Православной Церкви была совершена канонизация мучеников, пострадавших за веру в местностях Батак и Ново Село (<http://www.patriarchia.ru/db/text/1444305.html>). А сколько ещё христиан (пока не канонизированных святых) в 1876 г. приняло мученическую кончину от иноверцев в других областях Болгарии.

² Подробнее см.: Райна Княгиня. Автобиография. Пловдив, 2007; Райна Княгиня. 1856–1917. Панагюриште, 2006.

повстанческих отрядов с турецкими войсками, во много раз превосходящими силы болгар. Восстание было подавлено, его зачинщики и мирное население подверглись гонениям, пыткам, а в некоторых городах массовому уничтожению.

Райну Футекову взяли в плен, допрашивали, издевались над ней. На допросах девушка вела себя спокойно и с достоинством. Пленницу держали в очень плохих тюремных условиях, Райна тяжело заболела и уже приготовилась к смерти, когда её спасли представители европейских консульств. Однако оставаться в Болгарии, где у власти всё ещё находились османы, Райне Княгине было нельзя. Ей помогли переправиться сначала в Царьград, а затем в Россию (в Москву), где её поселили в Страстном монастыре. Там Райна Футекова написала свою автобиографию, в которой подробно рассказала о событиях 1876 г.

С освобождением Болгарии не заканчивается история Райны Княгини. В России она обучалась на акушерских курсах, а затем уже дипломированным специалистом вернулась на родину. Там первое время Райна преподавала в Тырновской женской гимназии. В 1882 г. она вышла замуж за учителя, участника Апрельского восстания Василя Дипчева. У них родилось 5 сыновей. В 1898 г. Райна с семьёй переехала в Софию, где стала работать акушеркой. В это время она теряет мужа и старшего сына. Несмотря на новые жизненные испытания, Райна Футекова вырастила четверых сыновей, которые получили военное образование. Её дальнейшая жизнь отличалась скромностью, а сердце было открыто чужим бедам. Райна Футекова-Дипчева умерла в Софии в 1917 г., а в 1976 г. была перезахоронена в родном Панагюриште. Там сейчас открыт дом-музей Райны Княгини, где хранится копия знаменитого повстанческого знамени, вышитая Райной в 1901 г. к 25-летию Апрельского восстания.

Из письменных воспоминаний свидетелей и участников Апрельского восстания можно понять, насколько народ был запуган турками к моменту начала Апрельского восстания, каких душевных и физических усилий стоило людям решиться на борьбу, противостояние, оставить родных и уйти в повстанческие отряды, отдавая себе отчёт в том, что участие в восстании может

погубить не только самих участников, но и их родных, односельчан, вызвав гнев турок.

Эта жертвенность придаёт особый смысл подвигу участников восстания — в большинстве своём крестьян, учителей, священников, не имевших военного образования, не державших оружия в руках. Их сила заключалась не в военной сноровке и искусстве побеждать, а в способности преодолеть страх, в готовности пойти на верную гибель.

Много мучительных сомнений испытывали эти люди, но когда перед ними вставал окончательный вопрос: умереть или сдаться на милость османам, принять иную веру, они выбирали смерть, свободу и свободу. Свободу, без которой Болгария уже жить не могла.

Есть христианская притча о человеке, потерпевшем кораблекрушение и оказавшемся в одиночестве на необитаемом острове. Он каждый день молился Богу, надеясь на спасение, но никто не приплывал за ним. Человек выстроил себе хижину, постепенно привык жить на острове. Но однажды вечером, вернувшись из леса, он обнаружил, что хижина, которую он построил, объята пламенем, а он потерял всё, что у него ещё оставалось. В отчаянии он упал на землю и воскликнул: «Боже, за что?» На следующий день его разбудили звуки приближающегося к острову корабля, спешившего на помощь. «Как вы узнали, что я здесь?» — спросил обрадованный человек своих спасителей. «Мы увидели сигнальный костёр», — ответили они.

Апрельское восстание можно сравнить с событиями, описанными в этой притче. Часто без пожара, в котором порой сгорает самое дорогое, невозможно спасение. Не будь Апрельского восстания — «сигнального костра» — возможно, трагедия Болгарии не получила бы такого резонанса в Европе и России, и неизвестно, как долго ещё болгарам пришлось бы ждать перемен. Не напрасны были жертвы участников восстания и мирных людей: каждая жизнь, отданная за родину и за веру христианскую, приближала долгожданный час Свободы и была угодна Спасителю, Который «пришёл не для того, чтобы Ему служили, но чтобы Самому послужить и отдать жизнь Свою во искупление многих» (Мк. 10, 45).

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*В. И. Мельник, доктор философских наук,
профессор, член Союза писателей России*

Зарубки на память¹ (фрагменты из книги)

Как он ошибался!

Известный русский писатель Василий Розанов переживал за Россию. Он однажды сказал: «У нас нет совсем мечты своей родины. И на голом месте выросла космополитическая мечтательность. У греков есть она. Была у римлян. У евреев есть. У француза — “chere France”, у англичан — “старая Англия”. У немцев — “наш старый Фриц”. Только у прошедшего русскую гимназию и университет — “проклятая Россия...” Как он ошибался! Он совсем забыл про Святую Русь! (С. 3).

Нитки

Когда читаю в Евангелии о том, что «последние станут первыми», вспоминаю бабу Шуру. Старушку, которая стоит в храме более полувека, каждый день на одном и том же месте. Благо, что храм был единственным в городе, который при советской власти не закрывался. Можно сказать, что «перестояла» баба Шура советскую власть. Одна прозорливая и уже покойная схимонахиня называла её по-доброму не иначе как «Шура бестолковая»: «А, это Шура бестолковая пришла!?!». Вот пример незаметной, но дорогой у Господа жизни. «Бестолковая Шура» считает себя страшной грешницей: во время войны она работала на чулочной фабрике и как-то вынесла с фабрики несколько мотков ниток. Личико у неё узкое, прозрачное и худое. Десятки лет ходит она в одном и том же выцветшем плаще летом и худом зелёном пальтишке зимой. Всё, что на её бедность дают ей люди, она отдаёт своей сестре, у которой взрослые обеспеченные сыновья и дочери. Один даже на иномарке ездит. И только и разговору у неё всегда, что про не ходящую в церковь сестру, её болезни и пр. Себя же баба Шура считает ни за что. Многие «первые» за эти же полвека нажили богатства, сделали карьеру, известны всем

¹ Мельник В. И. Зарубки на память. М., 2012.

как далеко не бестолковые, а напротив, весьма талантливые люди. Многих из них уже нет. А баба Шура стоит на одном и том же месте под церковной винтовой лестницей — и всё переживает за свои нитки. (С. 3–4).

«Умом Россию не понять...»

Умом Россию точно не понять. Писатель Борис Зайцев рассказывает, как один протестант задумал, было, перейти в Православие. Но так и не перешёл — на России споткнулся. Никак не мог он понять, почему же, если Православие — вера «правильная», Россия Православная так мучается и страдает. «Запад не менее грешен, но не рухнул... Россия сама виновата, что не справилась». Афонский отшельник ему отвечает: «Значит так ей было положено». — «Как же положено, за что же Бог наказал её сильнее, чем другие страны?» — «Потому что возлюбил больше. И больше послал несчастий, чтобы дать поскорее опомниться и покаяться. Кого возлюблю, с того и взыщу, и тому особенный дам путь, ни на чей не похожий... Россия много пережила, перестрадала, многое из земных богатств разорено, но в общем от всего этого она выигрывает». — «Как выигрывает?» — «Другого богатства много за это время дано». И вправду, лишь потом оценим, судьбами миллионов, вошедших в Царство Небесное не по заслугам, — что дано было нам в великие дни разорения и надругательства: наши мученики, страстотерпцы, наши праведники, наши исповедники-страдальцы, многотерпеливцы, наши юродивые во Христе. А какой нам самим дан великий от Бога дар — веровать, что так и будет!! Доктор-протестант ведь, бедный, ничего не понял — и ушёл от великой трапезы к сухим коркам рационализма. Не вместил. (С. 18–19).

Святая Русь

Сколько на Святой Руси безызвестных среди людей, но заметных у Бога подвижников! Вся культура, весь образ жизни народа, все его жертвы в военной и мирной жизни, всё его мужество — в конечном счёте нужны лишь для того, чтобы побольше было истинно святых людей, подготовленных для Небесного Царствия. Эту истину трудно постигнуть, ибо

она познаётся самой жизнью. Не каждому народу это дано. Мне повезло: в одном маленьком, но вошедшем в историю Русской Церкви XX в. храме я был прихожанином много лет и там познакомился с такими людьми, которые хотя и ходят ещё по земле, но давно стали равноангельными по своему житию. Нелегко мне было сойтись с ними: лишь через три года моего хождения в храм стали они со мною беседовать. Одна из них была Анна Алексеевна. Она была — Царствие ей Небесное! — живая легенда, так как в своё время была келейницей архиепископа Иоанна (Братолюбова) и многое бы могла поведать. Но почти ничего не рассказывала и тайны свои унесла в могилу. А запомнилась она мне примером христианской любви. Расскажу лишь один случай. Анне Алексеевне я иногда приносил в храм, зная её бедственное материальное положение, то сахар, то растительное масло, то другие продукты. Денег она не брала. Иногда и она приносила мне подарочек — всё один и тот же: кусочек мыла, завернутый в носовой платок. Однажды, незадолго перед нашим расставанием навсегда, снова принесла мне свой скромный подарочек. Я всегда с благоговением брал у неё эти платочки. И дома складывал в ящик под иконами. Однажды в доме кончилось мыло — и я развернул платочек. К удивлению своему, я увидел, что вместе с мылом в платке завернуты были 100 рублей. 100 рублей в то время были для пенсионерки немалыми деньгами. В ближайшее воскресенье я подошёл к Анне Алексеевне. Она мне сказала: «Нет, нет, возьмите, это вам от архиепископа Иоанна». Пришлось мне эти деньги взять на духовные нужды. Но каковы бабушки на Святой Руси! Каков народ, в котором они родились и живут! (С. 30–32).

Великий и могучий

Кто-то упорно отучает наших детей от русского языка. Чтобы никому не повадно было даже подумать, что изучать родной язык легко, приятно и полезно, кто-то стал писать учебники по русскому языку языком совсем не русским. В особенности это относится к так называемым «коммуникативной грамматике» и «коммуникативному синтаксису». Нам-то, среднему

поколению, повезло, и мы в своё время изучали просто грамматику и синтаксис. А теперь они стали зачем-то «коммуникативными», и одна студентка, делясь своими первыми впечатлениями от нового предмета, сказала: «В общем-то можно приспособиться: та же грамматика, только всё время нужно учитывать, что всё наоборот». Думаю, что «всё наоборот» — это слишком просто и неверно, но как же нужно постараться, чтобы ввести неглупую и вполне здравомыслящую девушку в такой интеллектуальный ступор. А попробуйте разобраться сами, вот образчик «учёной речи»: «На наш взгляд, выделение субъектных сфер высказываний, выражающих смысл “предположение”, представляется важным, так как это связано с проблемами авторизации и персуазивности. Модальность обуславливает присутствие в разной форме высказывания субъектной сферы говорящего, что влечёт за собой экспликацию модусной рамки, в которой вербализуется способ соотношения высказывания с действительностью». Неужели это написано тем же языком, на котором говорил о русском языке Гончаров: «Ему учатся не по тетрадкам и книгам, в гостиной у папá и мамá — а первый учитель — кормилица со своим агу, агу... и другими междометиями, потом нянька со своими прибаутками и сказками... а затем уже обработанный, книжный, чистый или литературный язык — в образцовых писателях. Стало быть, язык, а с ним русскую жизнь, *всасывают с молоком матери* — учатся и играют в детстве по-русски, зреют, мужают и приносят пользу по-русски». А после такого «коммуникативного» насилия над психикой и здравым смыслом у любого ребёнка опустятся руки и никогда не возникнет желание изучать язык Пушкина, Тургенева и Толстого. Просто — украли родную речь и приватизировали право её изучать! А нам-то грешным куда податься? На одном научном симпозиуме по русской литературе, в котором мне пришлось участвовать, из рядов любителей запутать всё простое и прекрасное псевдонаучной речью, прозвучало в накале дискуссии в сторону «простецов»: «Руки прочь от русской литературы!» Видно, настало время и для другого лозунга: «Руки прочь от русского языка!» Но ведь другого языка у нас нет... (С. 40–41).

Русский лес

Церковь показывает примеры того, как должны поступать и мирские власти. Архимандрит Евгений, настоятель Чуркинского монастыря (Астрахань), в XIX в. наказал крестьянина, пойманного на монастырской территории с нарубленными свежими деревьями, тем, что заставил его высадить молодые саженцы. Они впоследствии разрослись в тенистую монастырскую аллею. В суд подавать на крестьянина не стал. Исходил из религиозного опыта: после покаяния следует не наказание, но и не всегда благодушное прощение, а — исправление греха. Всем польза. А у нас ныне тюрьмы забиты несчастными людьми, путившимися на мелкое воровство из-за нужды. Там они зачастую не учатся каяться и исправлять дела рук своих, а лишь ожесточаются. А сколько было бы пользы, если бы каждый, преступивший закон, посадил свою «аллею». А если бы и не только мелкие нарушители, пропадающие в тюрьме, но и крупные, гуляющие на свободе, приведены были к истинному покаянию. И была бы не аллея, а поистине — «русский лес». (С. 93–94).

Пример христианской любви

Иссякает на земле чистая вода, меньше становится чистого воздуха, да и любовь иссякает. Даже христиане теперь зачастую друг друга плохо понимают. И вот вспоминается далёкий XIX в. Русская дипломатическая миссия на фрегате «Паллада» оказалась в Японии, где уже был принят закон: японец, перешедший в христианство, должен быть казнён. Один такой японец, спасаясь от преследования, скрылся у русских. Корабль наш был разбит, на японском берегу строили новый. Отношения с японцами ещё не определились, провизии своей не было, её подвозили японцы. Самим бы впору просить помощи. Русские моряки решились не выдавать христианина (хотя и не православного), несмотря на серьёзные угрозы японцев. Адмирал Путятин приказал в случае необходимости выстроиться в каре, отстреливаться и «погибнуть всем до единого, но не выдавать единоверца!» Вот так понималась христианская любовь русскими людьми. Только такая любовь и может победить мир. Японцы тогда это поняли — и отступились. (С. 106–107).

Смерть и измена

Для наших пращуров смерть не была самым сильным горем. Ибо это горе естественное — и, главное, спасению души не препятствует. Другое дело — отойти от православной веры или предать государя и отечество. Вот это горе. Когда у князя Одоевского умер первенец-сын, царь Алексей Михайлович его утешал: «Князь Никита Иванович! Не оскорбляйся, а токмо уповай на Бога!» И совсем иначе утешал по своей доброте князя Ордина, у которого сын стал изменником родины: «Тебе... больше этой беды вперёд уже не будет: больше этой беды на свете не бывает!» (С. 109–110).

Евгений Поселянин видел главное

Православный писатель Евгений Поселянин был на открытии мощей и прославлении в 1903 г. преподобного батюшки Серафима. Там он увидел, как к раке преподобного восемь крестьян с трудом несли бившегося в их руках немолодого, обросшего волосами мужика, напоминавшего собою страшного гнома из детских сказок. Из утробы его посторонний голос кричал с выражением муки и смятённости: «Выйду, выйду!» У раки он затих и весь напрягся от муки и боли, а когда его приложили, он очнулся и отошёл здоровым. Дальше он затерялся в храме. Оказывается, он уже 30 лет страдал своим недугом, не мог исповедоваться и причаститься, не вынося святыни.

В то время как одни дивились чуду, а другие спешили записать это чудо и спрашивали у крестьянина его имя и место, где он живёт, чуткая душа, Евгений Поселянин подошёл к этому мужику и спросил: натошак ли он ныне? Получив утвердительный ответ, прошёл в алтарь и попросил священника исповедовать мужичка и причастить его. Что и было исполнено. Впервые за 30 лет болящий причастился. Читая книги этого замечательного писателя, всюду видишь его любовь к Богу и людям, какой-то особенный талант душевной чуткости. Среди множества подробностей он всегда видит главное. Как писал, так и жил. Господь послал ему мученическую кончину. (С. 10–11).

Митрополит Питирим

Когда митрополита Питирима отпевали в Богоявленском соборе, народу было очень много. Запомнился один мужчина, который, войдя в собор, широко перекрестился и, упав на колени, заплакал. Встал и, обращаясь ко мне сквозь слёзы, сказал: «Я ему всем в жизни обязан». Это было его приношение владыке. Как жалко по сравнению с этой «лептой вдовицы» выглядел поднесённый одним очень и очень высокопоставленным лицом дорогой венок, на котором было написано: «Дорогому митрополиту...» Писали, видно, *по понятиям*. А когда владыку хоронили на кладбище Даниловского монастыря и поставили на могиле крест, одна одержимая начала лаять собакой. На могиле его *всегда* горят свечи. Последние фотографии владыки покоряют: с них смотрит не лицо, а лик. (С. 6–7).

Русский крик

Один человек, который в перестроечные годы купил японскую машину во Владивостоке и гнал её в Москву через всю Сибирь, вспоминал, что где-то в Читинской области его поразила картина. Он остановился отдохнуть за городом, поставил на таганок кастрюльку с супом. Откуда ни возьмись, появилась стайка мальчишек. Они не подходили к машине, а встали вдалеке и начали гонять ногами пустую банку из-под консервов. Но гоняли невесело, и вообще видно было, что не в банке дело. Не сразу его осенило, что мальчишки хотят у него попросить денег или еды, но стесняются. Он так и сказал: «Цыганские дети или кавказские мальчишки попросили бы, а русские мальчишки стесняются. Нет у них этого в крови». И я вспомнил, как соседский дедуня вспоминал голод 1946 г. в Белгородской области: «Голод был большой, много людей умирало. А у нас дедушка водил пчёл, и мёд мы меняли то на мыло, то на хлеб, то на соль. Соседские мальчишки знали, что хлебушко у нас есть. А просить стеснялись. Придут, сядут на пороге, и молчат. Не просят, не играют, — сидят и молчат». Так я понял, что русский крик — немой. Он не настаивает на своём, а только напоминает о Боге и взывает к совести. Отвергнуть такой крик о помощи — большой грех. (С. 139–140).

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Письмо в редакцию

«Практическая культурология» как ресурс реформирования отрасли культуры

Абсолютно все, без единого исключения, учебники (учебные пособия) по культурологии, даже лучшие из них, снабжённые издательской аннотацией — «подготовлено в соответствии с Федеральными требованиями государственного образовательного стандарта (дисциплина — «культурология»)» страдают, как минимум, двумя существенными недостатками.

Во-первых, разделы (главы, параграфы), освещающие отечественную историю культуры и искусства, останавливаются на начале 90-х гг. прошлого века. Современный период — с середины 90-х гг. XX в. до наших дней или вообще не освещается, или характеризуется самыми общими публицистическими фразами, дающими в лучшем случае представление о социально-политической, но никак не о культурной обстановке в стране в этот период.

Во-вторых, во всей без исключения учебной литературе будущие выпускники вузов и ссузов, входящих в систему Министерства культуры РФ, не найдут ни слова о том, что ожидает их, когда, получив диплом, они через неделю-другую придут на практическую работу в органы управления, музеи, библиотеки, другие учреждения культуры.

Какова современная социокультурная ситуация в стране, что собой представляют основные направления государственной культурной политики, а, главное, как конкретно, практически осуществляется модернизация, реформирование отрасли культуры в наши дни? Как, прежде всего, на региональном уровне, в крупнейших мегаполисах и столицах регионов, в крупных библиотечных, музейных, условно говоря, «холдингах» реализуются инновационные проекты и программы, прорывные технологии управления? Ответов на эти вопросы в учебной литературе нет. Накопленный с начала 2000 г. и по наши дни опыт разработки и внедрения инновационных программ («Концепция культурной политики Пермского края»,

«Стратегическая программа Екатеринбург — мегаполис культуры и искусства», кардинальное реформирование культурного пространства столицы, предпринятое Департаментом культуры г. Москвы, создание «Гоголь-центра», Музейно-выставочного объединения «Манеж», Культурного центра «ДК АМО ЗИЛ», превращение кинотеатров и библиотек в культурно-досуговые центры столичных округов, новая концепция Государственного Театра Наций и многие другие новаторские начинания) — всё это нуждается в изучении, обобщении и всемерном распространении.

В учебной литературе наших дней, адресованной студентам вузов и ссузов, обо всём этом, о том, с чем они столкнутся с первых шагов своей самостоятельной деятельности в учреждениях культуры, в учебной литературе, повторим, ни слова.

Немногочисленные учебники и пособия «Экономика культуры», «Экономика и менеджмент культуры», «Менеджмент в сфере культуры», датируются 2005–2007 гг. и, естественно, процессы культурных преобразований, о которых речь шла выше, здесь даже не упоминаются.

Сама реальная социокультурная ситуация в условиях новых рыночных отношений, модернизации всех отраслей жизнедеятельности общества, а главное — уже накопленный и накапливаемый опыт работы учреждений и органов управления в этих непростых условиях — всё это ставит в повестку сегодняшнего дня потребность в создании, как минимум, пособия — «Практическая культурология».

Практическая (можно назвать и инновационная) культурология, как завершаемый раздел культурологии традиционной — призвана дать развернутый анализ состояния культурной сферы 2000–2013 гг. (постсоветского периода), чего абсолютно нет в сегодняшних учебниках, призвана обозначить пути реформирования отечественной культуры в условиях глобализации, единого мирового культурного пространства, в условиях идеологического и культурного плюрализма современной культурной политики государства, коренным образом отличающейся от политики партии в области культуры советского периода.

Практическая (инновационная) культурология должна обобщить те позитивные наработки, которые имеются в деятельности органов управления и в учреждениях культуры.

Практическая (инновационная) культурология призвана преодолеть нередко встречающиеся в творческой среде работников культуры умонастроения, выражающиеся в уверенности, что все беды культуры в «остаточном подходе» и произволе «руководящих чиновников».

Считаем целесообразным на страницах вашего издания завести отдельную рубрику «Практическая культурология», в которой бы работники органов управления, руководители учреждений культуры выступили с новыми, прорывными, инновационными предложениями, поделились опытом внедрения современных технологий управления.

Выпускникам ссузов и вузов осенью выходить на практическую работу в органы управления или музей, библиотеку, культурно-досуговый центр, где их ждут проекты и проблемы, новые управленческие решения, необходимость решать не «планетарные» вопросы, о которых говорилось в курсах культурологии (они же — «Теория и история культуры»), а конкретные, практические, прагматические, о чём за годы обучения им никто не говорил...

Было бы также целесообразно обсудить, каким мы представляем себе будущее учебное пособие для студентов старших курсов «Практическая культурология», которое конкретно помогло бы в их будущей деятельности по совершенствованию отрасли на уровне региона, муниципального образования, данного учреждения культуры (музеи, библиотеки, культурно-досуговые центры, парки культуры и другие очаги культуры).

P. S.

Проекты и предложения, требующие исключительно кардинального увеличения «в разы» бюджетного государственного финансирования культуры, не принимаются.

Для списка литературы:

Проект Федерального закона «О культуре в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 26 октября.

Федеральный закон №273-ФЗ. «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 31 декабря.

Федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 гг.)» // Справочник руководителя учреждения культуры. 2012. №№ 7–8.

Культурная политика Пермского края // Справочник руководителя учреждения культуры. 2011. № 1.

Ярошевская Т. Л. и др. Стратегическая программа «Екатеринбург — мегаполис культуры и искусства» // Справочник руководителя учреждения культуры. 2012. № 1.

Екатерининская А. А., Мальцева М. А. Концепция развития Государственного театра Наций // Справочник руководителя учреждения культуры. 2012. № 2.

Пугач О. В. Концепция просвещённого саморегулирования. Интервью с директором Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького Ольгой Викторовной Захаровой // Справочник руководителя учреждения культуры. 2012. № 10.

Мельвиль Е. Х. Формирование государственного задания в учреждениях культуры клубного типа // Справочник руководителя учреждения культуры. 2012. № 11.

Мединский В. К Табакову и Любимову езжу сам — зачем утруждать мэтров хождением в Министерство // Комсомольская правда. 2013. 8 февраля.

Капков С. Кто с вами, мастера культуры? // Московский комсомолец. 2013. 26 января.

Теория больших дел. Три дня с Сергеем Капковым // Афиша. 2012. 16 ноября.

Миронов Н. Столичные кинотеатры превратятся в досуговые центры // Комсомольская правда. 2013. 7 февраля.

Зеленцова Е. Директор КЦ «ДК АМО ЗИЛ». «У меня был шок!» // Культура. 2012. № 42.

Официальные документы, как и публикации инновационных проектов и их комментарии, указанные выше, ни разу даже не называются в учебной литературе, в том числе — датированной 2013 г.

Ю. А. Лукин, доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой
гуманитарных наук
Академии переподготовки
работников искусства, культуры и туризма

Е. Д. Дерябина, кандидат культурологии,
доцент, проректор по научной работе
Академии переподготовки работников
искусства, культуры и туризма